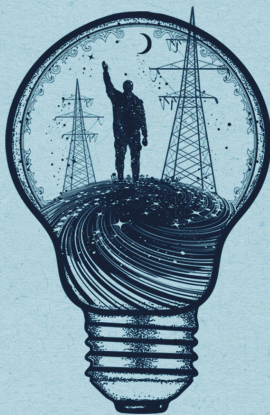

ВИКТОР
МАРТИНОВИЧ

НОЧЬ

РОМАН

ДРУГАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Виктор Мартинович

Ночь

Серия «Другая реальность»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43594714

Ночь: роман / Виктор Мартинович ; пер. с белорус. Л.С. Михеевой: АСТ;

Москва; 2019

ISBN 978-5-17-116568-0

Аннотация

Виктор Мартинович – прозаик, искусствовед (диссертация по витебскому авангарду и творчеству Марка Шагала); преподает в Европейском гуманитарном университете в Вильнюсе. Автор романов на русском и белорусском языках («Паранойя», «Сфагнум», «Мова», «Сцюдзёны вырай» и «Озеро радости»). Новый роман «Ночь» был написан на белорусском и впервые издается на русском языке.

«Ночь» – это и антиутопия, и роман-травелог, и роман-игра. Мир погрузился в бесконечную холодную ночь. В свободном городе Грушевка вода по расписанию, единственная газета «Газета» переписывается под копирку и не работает компас. Главный герой Книжник – обладатель единственной в городе библиотеки и последней собаки. Взяв карту нового мира и том Геродота, Книжник отправляется на поиски любимой женщины, которая в момент блэкаута оказалась в Непале...

Содержание

Слово от переводчика	4
Пролог[1]	6
Тетрадь первая	16
Раздел первый	16
Раздел второй	41
Раздел третий	71
Тетрадь вторая	100
Раздел первый	100
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Виктор Мартинович

Ночь

Слово от переводчика

Доброе утро, прохожий!

Да откроется тебе песня вселенной!

Меня зовут Сатиши Сивачарьяр, и я перевел этот текст на английский язык, на котором ты его и читаешь. Я купил рукопись в лавке старьевщика на Колледж-стрит в Колкате за литр чистой воды, моток пряжи и почти не ношенные сланцы. Не знаю, как эти три тетради попали к лавочнику-бенгальцу. Когда я торговался, это не казалось мне важным, а когда показалось важным, торговец уже умер от малярии. Сначала меня просто привлек длинный текст, написанный от руки на незнакомом языке. Я решил вспомнить свою прошлую специальность и дешифровать написанное. Покупка оказалась на удивление любопытной: лексика и грамматика в рукописи отличались от других кириллических языков, учебники по которым я нашел в книгохранилищах имени Р. Тагора. Осознав, с чем имею дело, я бросил клич по бывшим коллегам и нашел словари и пособия, без которых был бессловесным и неспособным. За то время, пока я совершенствовался в переводе, волосы мои стали седыми.

Почему я не оставил эту забаву?

Я достаточно долго живу на свете, чтобы понимать, что случайностей не бывает. До сих пор лучшие головы континента пытаются понять, что господь Шива сделал с нами во время наступления Ночи. Я быстро смекнул, что держу в руках ценный документ.

Наконец, я взялся за письменный перевод.

Конечно, мне хотелось подшлифовать миропонимание героя, его видение пережитых им приключений. Хотя бы там, где Книжник встретил аватару Харихари и стал носителем ответов, которые так ждет человечество. И там, где он не понял свою роль во всей этой истории из-за замороженного христианскими упрощениями сознания.

Но перевод – это таинство.

И я оставил нетронутыми все его предрассудки. Каждый должен расшифровать эту притчу заново и по-своему.

Сейчас, когда я переиздаю перевод, волосы моих сыновей стали седыми.

Мое предисловие одновременно стало и послесловием.

История начинается со счастливого конца.

Три тетради превратились в книгу, когда рукопись закончила свое путешествие в Колкате.

Книжник дошел до утренней зари. Мы снова познали Ночь.

Пролог¹

Не бывает ожидания, не окрашенного беспокойством. Я ждал этого звонка одиннадцать месяцев, и было это тогда, когда выражение «ждать одиннадцать месяцев» еще имело смысл. Телефон зазвонил после того, как я потерял всякую надежду. С этого все и началось.

Что я в тот момент делал? Это нетрудно вспомнить. Ведь что такое одиночество? Это ситуация, когда с тобой не случается ничего, что не запланировал бы ты сам. Поправка: не одинок я. Со мною Герда. Но она, наевшись и нагулявшись, спала в кровати, на которой спать ей не разрешается.

Как триста тридцать предшествующих ночей, я тарасился в яблочник, лежащий у меня на коленях. Последней новостью, переданной человечеству перед тем, как эра Интернета закончилась, был рассказ о синтезе искусственного человека в Калифорнии. Графитовое создание не только прошло тест Тьюринга, но и сильно обиделось, когда ему объяснили, зачем задавали все эти вопросы.

Обида. Самое человеческое из чувств. Из-за этого чув-

¹ Этот фрагмент был написан карандашом на листах А4, сложенных вчетверо и прикрепленных к форзацу первой тетради. По состоянию бумаги хорошо видно, что фрагмент создан значительно раньше основного текстового массива. Возможно, тогда Книжник еще не был уверен, станет ли писать свою «Летопись Ночи». (Здесь и далее примечания переводчика.)

ства я ждал звонка одиннадцать месяцев. Временами хочется, чтобы наши близкие были неспособны пройти тест Тьюринга и наши глупости не обижали их.

Вы еще помните, что это было такое, Интернет? Штуковина, что заставляла тебя забыть о том, что за стенами – душный район не самой простой столицы на Земле. Что живешь ты в миниатюрной трешке-матрешке, в которой все комнаты переходят друг в друга и заканчиваются маленькой кухней (катакомбы навевают воспоминания о модульных отелях в Токио, где тоже все время задеваешь стены плечами). Что на улице – ноябрь, то есть от лета ты удален на максимально возможную дистанцию. Пока ты в яблочнике, тебе почти нормально. Пока ты серфишь, ты почти не одинок.

У меня в браузере отключена та круглая красная иконка *TR*, которая загорается, когда читаешь контент, сгенерированный текстороботом. Эта игра в угадайку была данью ностальгии по тем временам, когда на *belles lettres*, созданных талантливыми (не графитовыми) авторами, я еще мог неплохо зарабатывать. Я пробовал догадаться, человеком или машиной изготовлен тот набор слов, что меня зацепил, и обычно угадывал. *TR* или *not TR*.

Отдельные хорошие тексты еще продолжали писаться людьми: на эту работу брали безработных, алкоголиков, людей с ограниченными возможностями – в общем, тех, кто не мог найти себе занятие в нормальной цифровой корпорации.

В случае с новостью о *Google Homo* все было неочевидно.

С одной стороны, в репортаже старательно не называли пол создания. Но из этого необязательно следовало, что текст написал бесполой робот. Потому что гендерная корректность после ряда скандалов сотворила с людьми-компиляторами новостей в точности то же самое, что уже было заложено во «врожденную» половую амбивалентность машин. Безразличие и скрытый интерес выглядят одинаково и на первый, и на десятый взгляд.

В деталях репортажа можно было заметить некоторые перекосы, свойственные «творчеству» искусственного интеллекта. Ни одного упоминания о первых словах, произнесенных *Google Homo*, зато подробное описание банкета, устроенного демиургами для прессы и доноров. Ни слова о цвете глаз, скелете, крови и мышцах, зато – целый абзац о том, что окончательная версия *AI* была сделана на основе программной сборки *Durante*. Перед которой изначально стояла задача усовершенствовать *Google Translate* до стадии, когда программа сможет переводить сложные поэтические тексты уровня «Божественной комедии». Впрочем, рассуждение про *Durante* было мной распознано в качестве нативной рекламы *Google*.

Но не мог же текст про первого способного обижаться искусственного человека быть написан роботом? Это было бы обидно. Я нажал иконку *TR*, узнал ответ, осмыслил его, и тут зазвонил телефон. Я сразу понял, что это тот самый звонок: для всех остальных уже слишком поздно.

Первое, что я услышал в трубке, был ветер. Потом через него прорвался немного осипший, но такой знакомый голос.

– Намасте.

– Привет, – сказал я со смолкшим сердцем. Несколько ударов ветра, молчание. – Все хорошо?

– Хорошо. Только холодно.

– Ноябрь. Вчера подтаяло, сегодня подморозило. Обычная наша погода – «околоноля».

– Я знала, что ты не спишь, и почувствовала, что должна позвонить. Несмотря на. Как будто что-то плохое случилось. Как там Герда?

– Спит твоя Герда, – отозвался я.

Герда на самом деле проснулась, подняла голову и внимательно слушала разговор.

– А как... – ее прервал свиристящий ветер, – ...сам?

– Сам не сплю. Что-то не спится.

– Ты только не подумай, что я простила. Что возвращаюсь или что-то такое. Я так. Почему-то почувствовала, что нужно позвонить.

Герда проскулила и приветливо гавкнула, узнав голос бывшей хозяйки. «Бывшая хозяйка». Не менее странное выражение, чем «синтезированный человек».

– Видишь, разбудила собаченцию, – прокомментировал я. Взвесил допустимость вопроса с учетом наших текущих отношений и решился спросить: – Ты все еще в Тибете?

– Меня депортировали из Тибета. Я вернулась в Непал.

Сейчас я в Сарангкоте.

– В Сарангкоте? – Мой голос сел. Я внезапно ощутил себя искусственным человеком, синтезированным из графита в Калифорнии. – Встречаешь рассвет?

Она затараторила, чтобы побыстрее проглотить неловкость:

– Да, в Сарангкоте. Но в этот раз решила пешком подняться. Вышла около полуночи. Такси бы двадцать долларов стоило.

– Мы на автобусе ехали.

– И я решила типа сэкономить. Поужинала, взяла чай в термосе и двинула вверх. Перепад высот несерьезный, меньше километра, можно не спешить. Музыку слушала. Роса уже легла, поэтому сошла с тропинки на разъезженную дорогу. А на той можжевелевой аллее меня подобрал джип с китайскими туристами.

Тут графитовый человек во мне захотел задать вопрос, не потому ли она звонит, что встречает рассвет в Сарангкоте. Но мой внутренний графитовый человек никогда не прошел бы тест Тьюринга, настолько он был тупой. Потому что с учетом текущих отношений такой вопрос был по-человечески неуместным. Вместо этого я почти утвердительно произнес:

– Красиво вокруг.

– Вершина затянута тучами, но через прогалины проглядывает такая... не громадина даже. А невероятных размеров стена. На много километров вверх. Тут ощущаешь, что все-

ленная неизмеримо больше мира двуногих козявок. Когда выглянет солнце, стена – помнишь? – станет оранжевой.

– Помню, – сглотнул я.

– Но рассвет еще не начался, небо черное.

Внезапно в трубке прогремело, будто где-то рядом с моей собеседницей взлетал самолет. Герда снова гавкнула, на этот раз беспокойно.

– Что это? – встревожился я.

– А это приколы такой. «Трубы конца». Тут рядом со смотровой площадкой буддистский монастырь. Когда первый раз заревело, китайцы туда сбегали и спросили, что происходит. И монахи им ответили, что празднуют «пуджу конца». Китайцы, естественно, поинтересовались, почему буддисты устроили «пуджу конца» на рассвете, а те весело объяснили, что просто пришло для этого время. И быстро попрощались. Очень были заняты своими трубами.

Мы помолчали. Ветер на том конце утих. Человек – создание, которое трудно имитировать. Я так ждал этого разговора, а теперь все мои слова подморозило ноябрем растерянности. Сейчас я мог бы попросить прощения. Еще раз.

– Зачитать тебе парочку новых? – наконец предложила она.

Я этого не ожидал.

– И почему ты не заведешь себе Твиттер? – заученно пошутил я в ответ.

– В чем ценность афоризма, который знает весь Интер-

нет? Из оправы для мудрости он превращается в признак подключенности к Сети.

– Раньше ты по-другому реагировала: «Потому что мне не шестьдесят лет».

– Ну тогда вот тебе из гималайских заметок: «В горах обязательно идти, чтобы пейзаж менялся. Все делают солнце и ветер».

Я промолчал, потому что афоризм меня не впечатлил. Собеседница смущенно хмыкнула и продолжила:

– «Все счастливые семьи несчастливы одинаково, каждая несчастливая семья счастлива по-своему».

Это мне понравилось, но с учетом наших текущих отношений я посчитал, что лучше проглотить похвалу.

На том конце раздался новый странный звук, похожий на отдаленный плач. Герда, услышав отголосок из трубки, оскалилась, будто хотела завывать.

– Что это? – прислушался я.

– Странновато... – В голосе появилась тревога. – Собаки завывали. Все собаки поселка. Как будто кто-то приказ отдал.

– Так бывает. Собаки обычно подхватывают вой. Одна начнет – другие за ней.

– И вот чего еще не могу понять. По часам солнце уже десять минут как встать должно было. А тут даже небо не посерело.

– Ты ошиблась в расчетах. Или часы синхронизировались с чем-то не тем и перескочили на десять минут назад. Бы-

вает. Если и есть в космосе какое-то расписание, которому можно доверять, то это график рассветов и закатов.

Голос стал спокойнее.

– Может, и правда все в порядке. Сейчас еще и все огни внизу, у озера, погасли. Там огромный город. И он теперь весь во тьме. И ветер затих. Наверное, так всегда перед рассветом. Экономят энергию.

– Автоматика у них, скорее всего. У нас в Минске то же самое. Перед тем как солнце встанет, фонари гаснут.

Собаки продолжали истерично выть. Герда встревоженно всматривалась мне в лицо. В голове мелькнула новая, не из мирного времени, мысль, что, если на том конце что-то случится, я никак – ну просто совсем никак – не смогу помочь. Но что могло случиться? Она в Непале, а не в Афганистане. И даже то, что в Минске сначала светлело, а потом только автоматика отключала фонари, не должно было меня настораживать. Кто его знает, какие алгоритмы энергосбережения применяют в Гималаях.

– Что-то и на смотровой площадке у нас свет пропал, – спокойно заметил голос. – А у китайцев сдох телефон, с которого они попсу слушали. Тишь и жуть. Но они пытаются петь. Ты про *Google Homo* читал?

Ответить я не успел, наш разговор прервался. А несколькими секундами позже свет погас и у меня в комнате. За окнами тоже стояла темень: фонари проспекта, видневшегося через ветви далеких тополей, как и окна соседних пяти-

этажек, оказались в полной темноте. Я прикинул в голове масштабы блэкаута, который одновременно случился бы и в непальских Гималаях, и в не самой простой для жизни столице, и отбросил возможность взаимосвязи как анекдотичную. Совпадение, просто совпадение.

Наледь на окне образовала остроконечный узор, похожий на кленовый лист. Раньше, до того как темно стало с обеих сторон стекла, он не так бросался в глаза. Я вышел на пропахшую мокрой тряпкой лестничную площадку проверить пробки, но, как ни клацал автоматами, восстановить подачу электричества не удалось. Ни в тот вечер, ни когда-либо позже.

И если перечислять отвратительные для меня вещи того мира, который закончился с ночным разговором, то возглавят список тексты, написанные живыми людьми, чья логика и стилистика стала полностью неотличимой от логики и стилистики роботов.

Интернет в яблочнике пропал, но само устройство держалось еще семь часов. К сожалению, никто в первые минуты блэкаута не понял, насколько ценным был каждый миг прощальной работы гаджетов.

Что бы я сделал, если бы смог включить своего бывшего электронного друга хотя бы на минуту? Поставил бы трек одной старинной группы. Мелодия до сих пор крутится у меня в голове. Там сначала идет медленное, даже немного неряшливое гитарное треньканье. А потом вступает голос. Он буд-

то не поет, а говорит. Говорит, обращаясь к кому-то очень близкому. Он призывает проснуться. Вытереть слезы. И бежать. Я забыл точные слова и название трека, а посмотреть уже негде. Поверьте, ничего более осмысленного, обогащающего и прекрасного, чем прослушивание этой мелодии, человек с помощью электронного устройства сделать не мог. Ни в какие времена.

Тетрадь первая

Раздел первый

Далекие вскрики ратушных колоколов. Остроконечный узор, похожий на кленовый лист. Он серебристо сиял на почерневшем бархате заиндевевшего оконного стекла. Сколько времени прошло, а тонкие прожилки не растаяли, не оплыли, вообще никак не изменились. Лучшее доказательство того, что температура за прошедшую вечность ни разу не менялась (если кому-то такие доказательства в принципе нужны). Собаченция уже проснулась, она всегда просыпается за несколько мгновений до первого удара колокола. Как обычно, спрыгнула с постели, где мы греем друг друга, и царапала когтями пол перед входной дверью.

Я откинул старые дубленки и шубы, которыми укрывался поверх двух одеял, и вслушался в звон колоколов. Ну как. «Колокола» – это, конечно, громко сказано. Поскольку никаких иных способов оповещения населения, кроме звуковых, у муниципалитета не осталось, в начале рабочего дня звонарь, чье имя Гацак, восемь раз бьет по куцей ржавой рейке, прикрепленной высоко на заводской трубе над озером.

Мол, будем считать, что сейчас «восемь часов» «утра». Понятно, что никакого «утра» у нас уже вечность как не бы-

ло, но надо же как-то начинать «новый день». И только не спрашивайте у меня, как Гацак определяет промежуток времени от последнего «вечернего» звона до первого «утреннего». Половина вольной Грушевки подозревает его в том, что он мухлюет. Просто чтобы поиздеваться над горожанами, доверяющими ему, козлобородому.

В условиях, когда работающих часов не осталось совсем ни у кого (кому интересно тратить бесценный цинк на такую условную вещь, как «время»), звонить ежедневную «заутреню» Гацак может начинать прямо после того, как его голова прояснится от воздействия солидной дозы браги. А без нее не обходится ни один его «вечерний» выход к трубе. Задай ему вопрос о его способе следить за временем, и он обязательно покажет три механических будильника, заведенных ровно на восемь часов утра. Только вот на будильниках всегда разное время. Бывало и такое, что вольный город Грушевка вставал, начинал ссориться, торговать и шевелиться, так и не дождавшись гацаковского звона.

Звонаря в таких случаях находили очень больным, причем выхлоп в его каморке не оставлял сомнений в том, чем он заболел. Он неизбежно получал в рог от Бургомистра, но оставался на своей должности, при каморке и при цинке налогоплательщиков. Гацак незаменим, ведь кому еще захочется следить за цокотом маленьких механических чудищ, отмеряющих ход погибшего времени.

Когда-то продолжительность дня изменялась оборотом

Земли вокруг своей оси, продолжительность года – оборотом Земли вокруг Солнца. После блэкаута концепцию «Солнца» пришлось пересмотреть. Часть соседних городов-государств, например, пустынный и очень опасный Институт Культуры, полностью отменили единое для всех время. Рынки там никогда не закрываются, а потому и налеты на них возможны в любой момент темени.

Звук «утреннего звона» у Гацака получается вялый, но, если захочешь синхронизироваться с остальной Грушевкой, услышишь. Хотя бы с восьмого раза. А вот сразу после восьмой склянки нужно вслушиваться внимательнее. Здесь начинается время государственных объявлений. Их возвещает «Дементей» – более длинная чугунная рейка, которая скрипит визгливо и очень противно. Три удара Дементя – общее собрание. Нужно одеться *по-богатому* и прийти в актовый зал бывшей больницы, которая способна вместить значительное количество жителей муниципалии. Как правило, на общих собраниях решается вопрос перевыборов Бургомистра, ведь мы не какая-нибудь военная диктатура, чтобы Бургомистр правил без выборов. Но он уже не молод, а мы не злодеи, чтобы отправлять на покой старика, который тут все наладил. Благодаря ему мы не проиграли в войне за территории. Благодаря ему у нас демократия и относительный порядок. Не то что на Институте Культуры.

Два удара – карантин. Это значит, что заезжие торговцы углем снова занесли в вольную Грушевку какую-то заразу:

насморк, ротавирус или даже грипп. И лучше из своих каморок не вылезать, пусть микроб сдохнет.

Один удар по Дементею – он прозвучал сейчас – значит, что сегодня у нас «праздник горячей воды». Ну как «горячей». Настолько не холодной, что не слишком теплолюбивые могут даже помыться.

Трубы почти сразу заскрежетали – помпы котельной начали нагонять в систему тепловатую водичку. Обычно воду в кране, как и батареи отопления, греют до такой стадии, чтобы не замерзали теплопроводы. Благодаря этому в моей трешке-матрешке даже не всегда идет пар изо рта. А чтобы на кухне замерзла в кружке вода, такого вообще ни разу не случилось. Не представляю, как живет народ на Институте Культуры, где угольной котельной нет и люди греются у костерков, разожженных по-черному на бетонных полах.

Температура воды продержится недолго, поэтому надо спешить. Я подхватил с пола динамо-фонарь, накрутил его до стадии, когда он начал выдавать ровный блеклый свет, и побежал в ванную. Ванная комната казалась более темной, чем остальная квартира. Я отыскал на тонущих в сумраке полочках кусочек мыла, больше похожий на парафиновую свечку. Вялая струя из душа имела уютно-ржавый оттенок, отчего при голубоватом свете диодного фонаря могло показаться, что я моюсь чаем.

Герда сердито царапнула двери. По ее мнению, хозяин слишком часто моется. Особенно некстати эта нездоровая

привычка поражает его в тот момент, когда он должен вести свою единственную питомицу гулять. Бестолковый хозяин! Вытершись злым от холода полотенцем, я впрыгнул в пальто, нацепил тяжелую заячью шапку и вышел с собакой на улицу. Тут пока было тихо: вольные граждане принимали душ.

Небо, как всегда, было затянуто одеялом облаков медно-перламутрового цвета. Обычное зимнее небо над Минском: ни луны, ни звезд. Ни радости, ни надежды. Как на картинах древних мастеров в альбоме «Искусство советского пейзажа БССР».

Первое время умники с рыночной площади, которые любят козырнуть глубокими познаниями в астрономии, торгуясь за килограмм дров, пытались доказывать (чаще всего друг другу), что именно облака помогли внезапно лишенной солнечного света Земле не замерзнуть сразу до критических температур. Но после того как Гацак тысячу раз прозвонил «утро» своей железякой, а длина ртутного столба на градусниках свободной Грушевки не изменилась ни на миллиметр, оставшись на магическом «околоноля», академики в валенках замолкли.

Чтобы как-то обозначить период, в который раньше было светло, а теперь – нет, люди даже изобрели название: «черный день».

И все бы ничего, если бы не было так холодно. Герда закончила свои дела в близлежащих кустах и вернулась ко мне, всем видом показывая, что она не против транспортировать-

ся прямо в квартиру и потребить какое-то количество калорий.

Я домыл посуду в стремительно холодеющей воде, надрал лучины и вышел на балкон. Функционал стандартной трешки полностью изменился после блэкаута. Холодильник с внешним замком превратился в сейф для хранения цинка, ценных круп (скоро они окончательно превратятся в валюту, ими будут рассчитываться за возобновляемые виды пищи), крепкого алкоголя (у меня есть две трети бутылки настоящего *Teacher's*), разных недешевых хозяйственных мелочей вроде налобных фонариков.

Газовая плита производства фабрики «Гефест» стала рабочим столиком: на ее капитальной стальной крышке, под которой скрываются горелки, удобно дробить кости для Герды (когда получается купить настоящего мяса) и колоть щепки для балконного костра. Газ же все еще подается в перекрытую над плитой трубу.

Многие вольные граждане муниципалии Грушевка закладывают окна своих квартир кирпичом, окончательно превращая квадратные метры в пещеру. Смысл в этом есть, поскольку все равно никакого света через стекла не поступает и никогда не поступит, а кирпич лучше сберегает тепло, позволяет сохраняться температуре, которую отдают батареи и само человеческое тело. Но мне нравятся очертания далеких тополей на фоне перламутрово-медного неба. Мне нравится остроконечный лист клена, который я вижу, когда открываю

глаза.

Я вышел на балкон, раскрыл стеклянные рамы и напихал щепок в трубу самовара. Давным-давно, в далекой-далекой галактике, я купил эту квартиру на деньги, полученные за выполнение одного особо жирного заказа. Седовласый бывший владелец ее напоминал Марка Шагала, своевременно решившего забросить живопись, остаться в СССР и переквалифицироваться в научно-технического интеллигента. Балкон был его тайным садом: старательно обшитый вагончиком, застекленный; латунные шпингалетки, жестяной щиток от дождя, медные головки гвоздиков, которыми набит узор «змейка». Самодельный шезлонг с поручнями, отполированными локтями за десятилетия чтения «Дружбы народов».

Я почти плакал, когда отдираю вагончку, потому что разводить костер вблизи деревянных поверхностей было огнеопасно. А как невыносимо было жечь шезлонг! Сейчас на балконе осталось только самое необходимое: самовар с медалями, пять литров, закипает быстрее, чем успевают замерзнуть пальцы на ногах. Луженный в одном месте. Такой же без трещин стоил бы в десять раз дороже. Стиральная машина в качестве столика. Микроволновка-электрогриль, на ней я, бывает, сижу, когда не боюсь отморозить зад.

В центре на цельнометаллическом диске, снятом с колеса «БМВ» под окном, – место для костерка. Диск стоил мне два цинка, включая хлопоты самого хозяина «БМВ», который с

энтузиазмом его доставил. Непосредственно на бетоне разводить костер не рекомендую: огонь может расплавить металлическую арматуру и балкон грохнется вместе с незадачливым пироманом.

Цокнуло кресало, задымились щепки. Сейчас будет завтрак. Ну как завтрак. «Утром» я обычно выпиваю две кружки чая из одного пакетика «Принцесса Нури», с одним кусочком сахара. Если, конечно, нет перебоев с караванами и сахар доезжает до Грушевки. Одна принцесса Нури знает, из чего производят эту «Принцессу Нури». Рыночные торговцы клянутся, что напиток настоящий и поставляется с распределительного склада гипермаркета «Корона» в Соснах, который они аккуратненько грабят во славу всех цейлонских монархов. Насыщенный торфяной цвет, масляные пятна на поверхности и, главное, неуловимый привкус свекольных культур вызывают подозрение, что при производстве этой смеси «ассама» и «орандж пеко» ни одно чайное деревце не пострадало.

Когда самовар начинает бурчать, я кладу на него жестяночку с кормом для Герды. Найти еду для домашних животных не проблема на любой продуктовой ярмарке Грушевки, причем упаковки все сплошь настоящие, из тоненькой стали, с ключиком. Сегодняшние технологии угольного века не позволяют подделать такое. Причина, по которой нормального чая не найти, а корм для котиков – легко, очень простая. Только вы не говорите про нее Герде, хорошо? Дело в

том, что всех домашних животных съели еще до того, как те успели съесть все запасы предназначенного для них корма. И то, что продается сейчас, покупается не собакам и котикам, а небрезгливыми двуногими для себя. Я сам пробовал несколько раз. Запах странноватый, но ингредиенты нормальные.

С жестянки на меня уставился роскошный белый кот. Глядя на него, я почему-то подумал про свою заячью шапку. Про ее засаленность и прожженность в двух местах. «Блеск и сияние здоровой шерсти», – обещал слоган на банке. Хотелось накормить этим кормом мою шапку, чтобы она стала элегантной и белоснежной, как кот на картинке. Герда нетерпеливо царапнула балконную дверь, мол, давай, мсье повар, заканчивай уже этот котиный вуайеризм! Собака и холодный корм в себя положит! Я до сих пор не понимаю, почему она с большей охотой набрасывается на кошачьи консервы, чем на сертифицированный временем и бывшим «Министерством сельского хозяйства» бывшей «Республики Беларусь» корм «Дружок». Если только собаке приятно символическое ущемление конкурентов (чем больше съем я, тем меньше достанется обладателям «блеска и сияния здоровой шерсти»).

Я заложил кубик сахара за щеку и с наслаждением хлебнул свекольной «Принцессы Нури». Кайф доставляла в первую очередь температура чая, во вторую – сладкий привкус во рту. Постоянный холод переносился бы всеми нами

куда проще, если бы мы могли есть так же много, как когда-то, или хотя бы заваривать чай с помощью одного нажатия на кнопку чайника. Герда проглотила корм одним глотком, просто слизнув его со своей тарелки.

Завтрак окончен, пора отправляться на рынок. Я снял замок с сейфа, заглянул в бывший морозильник и с удовлетворением отметил, что цинком я обеспечен на долгие годы беззаботной жизни. Два полных лотка, верхний и средний. Вид нескольких тысяч металлических патрончиков, блеснувших в свете динамо-фонаря, оставил, как обычно, ощущение необъяснимого покоя. Цинк – это и еда, и свет, и относительное тепло, и безопасность Вольной муниципалии Грушевка. Пока есть цинк, меня отсюда не прогонят. Люблю время от времени отпирать свое хранилище и созерцать золотовалютные резервы, чтобы удостовериться в том, что не растаяли еще сокровища нашего королевства.

Наконец я достал три патрончика, проверил их на мультиметре и положил в карман. Пока хватит. Зажег налобник, захватил санки – сегодня они мне понадобятся, надо купить питьевой воды.

Герда нетерпеливо крутилась у выхода и припустила вниз по лестнице, как только я открыл дверь на лестничную клетку, по-прежнему пахнущую несвежей тряпкой.

Мой край родной. Грушевка. Лабиринт мурзатых пятиэтажек, между которыми натканы замерзшие каштаны, неуклюжие вербы и высокие тополя. Когда дрова впервые

подорожали в десять раз, деревья бросились пилить все, у кого в домашнем хозяйстве имелись бензопилы, ножовки, лобзики или хотя бы большие ножи. Но Бургомистр постановил выбрасывать за стену муниципалии любого, кто отломает хотя бы сухую ветку от любого зеленого насаждения. И после сожжения всей деревянной мебели, которую можно было отыскать в квартирах, подвалах и на барахолке, люди перешли на экспортную древесину. Иногда у торговцев углем и дровами попадаются действительно интересные вещи. Я когда-то приготовил прекрасный ужин на дубовой ножке от рояля, на котором когда-то играл белорусский предшественник Теслы, придумавший способ беспроводной передачи электроэнергии.

Отполированный лед тропинки поблескивал в свете фонаря, как слюда. Я знал каждый изгиб и неровность блестящей ледяной корки: вот тут стекло льда на тротуаре сморщилось, оголив шербатые плиты тротуара. Сразу на выходе из двора громоздился Хеопс – огромный снежный сугроб, оставшийся после трактора-уборщика, который сгреб сюда снег с нескольких дворов, когда трактора еще могли ездить и убирать. За Хеопсом располагалась огромная замерзшая лужа. В доисторические времена чья-то нога оставила в ней два выразительных следа. В ту пору, когда солнце еще вставало, утренние лучи растопили лед, покрывающий лужу, размягчили корочку на ее поверхности, после чего в воде кто-то увяз аж по щиколотку. А потом снова похолодало, и лужа

замерзла навсегда. Человек, оставивший следы, состарится и умрет, а оттиски его ног, единственное свидетельство жизни, которая когда-то имела место, всегда будут тут, посреди вольной Грушевки, в вечном льде.

Мы прошли мимо продуктового магазина, сожженного после разграбления. Тогда еще никто не знал, надолго ли пришел блэкаут и не вернется ли день снова вместе с основами прежнего государства и эффективными следственными органами. Так что следы решили замести радикально. Герда бодро забралась вверх по высокой лестнице, проскользнула в щель между оплавленными пластиковыми дверями и огласила бывший магазин задорным лаем, в котором звучал триумф над чем-то явно достойным триумфа. Я не знаю, почему она делает это каждый раз, когда мы проходим мимо магазина. Может, ей просто нравится эхо лая в пустом бетонном помещении.

Собака спускается со ступенек, пасть раскрыта, язык на бок, глазки горят. Я знаю, что Герда улыбается. И пускай котоводы уверяют вас, будто собаки не смеются.

За магазином – парк, за парком – поворот на рынок. Прохожих тут больше: Грушевка наконец приняла душ и выбралась на улицу.

На углу, у поворота на рынок, коптит дымок. Это точка Корчина по прозвищу Цугундер. Или, может, зовут его Цугундер, а прозвище Корчин, кто его знает. Одно скажу уверенно: когда-то Корчин был при должности и, как всякий

решительный мужчина на огромной черной машине, с собственным косноязычием не боролся. Те, на машинах, могли просто мычать – и все равно их боялись. Сейчас, увидев меня, Корчин старается выглядеть знатоком словес, отчего речи его выпранны, как «Ода на день восшествия на престол» Ломоносова.

– Лазоревых синес, брате вы мой волоокой! – крикнул Корчин.

– И вам многих раёв, товарищ Цугундер!

При слове «Цугундер» лицо моего собеседника немножко одеревенело. Может, это все-таки прозвище, причем как-то связанное с тем, чем он, собственно, занимался, разъезжая на той своей большущей черной машине.

– Как звезда? Сияют чрез яры? До недр плескание и клик? – спросил он.

– Житие мое полно благолепствием.

– Благолепствием? – вскинул он брови. – Первый раз слышу такое слово.

– Это когда жизнь так хороша, что благодать вот прямо лепится. – Я люблю иногда в шутку выдать ему какое-нибудь придуманное слово. – А кокмо ваши делеса, товарищ Корчин?

– Благолепно! Только чресла ноют. Застудил. Или отпил, может, во грехе, – искренне ответил он.

– Что ноет? – переспросил я.

– Чресла! – Он погладил себе область почек. – Прямо в

пяты отдаст!

Похоже, над словесами Цугундера шутил не только я.

– Может, медку хотите откушивать? – гостеприимно предложил владелец точки, показав на огромный закопченный бидон, под которым розовели угли.

Когда-то в колхозах такие бидоны использовались для молока, а сейчас их приспособили для уличной торговли медом. Ну как медом. Мед – это громко сказано. Слово это – дань нашему славному прошлому и старинным традициям самогоноварения. Всем этим «старкам», «девяткам», «зубровкам» и другим настойкам, от которых сейчас остались только поэтичные названия для видов сивухи, которую стали варить в темные времена. Мед – похожее на кисель варево, в его состав входят хлебные сухари, подгнившие овощи, сахар и тмин (чтобы меньше воняло). Ему дают как следует закиснуть, а потом подогревают, чтоб сильнее вставляло и прогоняло холод. Кружечка меда – и ты готов шататься по городу и приставать к людям до вечера, аж до самой шестой склянки, хотя выходил только на рынок за дровами. Две кружечки меда – и тебя самого можно продавать на рынке в качестве дров. Правда, бодун ожидает знатный, со всеми грандиозными битвами Великого Княжества Литовского, которые разыграны будут непосредственно у тебя в голове (победят враги).

– Спасибо, товарищ Корчин, но от медку принужденно откажусь, – покачал я головой. – У меня от него чресла отва-

лятся. Сначала правое, потом левое.

– Может, тогда полистаете прэссу? – Он указал на гостевой табурет около бидона.

За этим люди и приходят на уличные точки: почитать новости, бахнуть медку, поболтать.

– Совершеннейше для васgratisно, брате Книжник! – на всякий случай в очередной раз уточнил Цугундер.

Цугундер – мой постоянный клиент. Берет в основном детективы и эротику в мягких обложках, то есть наиболее востребованный товар. Периодически получает скидку за старательное изучение словес. Отсюда и его предложение причаститься «прэссы» бесплатно.

Газета «Газета» (нет смысла изощряться с названием, когда производишь единственный продукт такого рода в муниципалии) – не самое дешевое удовольствие. Номер стоит один полный цинк, полистать на месте – полцинка. Цена обусловлена сложностью изготовления: экземпляр печатается на машинке, причем за раз под копирку наборщик может настучать только три копии, четвертая уже получается блеклой и нечитабельной. К тому же «сбор новостей» – та еще головная боль. А добавь сюда еще и нарисованные от руки иллюстрации!

Я взял с полочки номер и навел луч света от налобника на первую страницу. «ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПАРАД НА ПРОСПЕКТЕ СВОБОДЫ», – сообщал набранный заглавными буквами заголовок.

«Сегодня после четвертого колокола Бургомистр и Верховный Главнокомандующий Вольной муниципалии Грушевка совместно с Комиссаром Внутренних и Внешних дел Народной диктатуры Кальвария примет с трибуны “Виталюра” на проспекте Свободы торжественный парад Вооруженных сил Вольной муниципалии Грушевка совместно с Вооруженными силами, делегированными Вольной муниципалии Народной диктатурой Кальвария в рамках заключенного на добрые времена межгосударственного соглашения об обмене теплом. В параде также примут участие три невольницы, переданные в дар Народной диктатурой Кальвария Вольной муниципалии Грушевка в знак демонстрации уважения и традиций добрососедства. Люди уже готовят костры».

Как обычно, из газетного текста невозможно было ничего понять. Именно для этого рядом с бидоном стоит гостевой табурет. Пока новость не обсудишь, в чем смысл ее, не сообразишь.

– М-м-м, и что это значит, товарищ Корчин? Я как-то запутался в причастных оборотах.

– Я сейчас все благолепнейше истолмачу! – Вот правда, иногда хочется, чтобы он бросил попытки освоить человеческий язык. – Намедни Бургомистр уложил договор с опричниками из Кальварии. Ибо же есть в нас великая потребность в обороне супротив супостатов с пустошей. Кальварии не вполне достает тепла. Оттого что котельной она не богаты. А орудий у их весьма много есть.

Тут стоит отметить, что Народная диктатура Кальвария возникла в результате нападения группы не вполне интеллигентных товарищей на силовое ведомство, которое размещалось недалеко за нашей оградой. Произошло это почти сразу после того, как небо стало темным. Внутри РУВД – или что там было – оказался приличный склад с автоматическим оружием. В результате чего на западной границе Грушевки образовалось сильное государство. В котором почти сразу был провозглашен рабовладельческий строй. Разделение населения на классы произошло по самому предсказуемому принципу: у кого в руках оказались короткоствольные АК-74 или у кого хватило ценностей на то, чтобы «калашников» купить, тот оказался рабовладельцем. Все остальные перешли в статус невольников. Вместе с женами и стариками.

Что важно, доллары США, евро и китайские юани в список ценностей темного мира не попали.

При этом Кальвария – холодное государство, потому что у них не осталось отопительной инфраструктуры, которая могла бы обогревать квартиры с помощью носителей, в теперешнем мире все еще способных производить тепло. Поэтому диктатура жила во многих смыслах в черном теле.

– Батареи наши еще поболее выстынут, – заныл торговец медом. – Но мозженствует быть, что нагребут те кальварийские стрельцы нам поболее углю. И котельщики обрящут возможности поболее прокипячивать теплоноситель. До боль-

ших температур. Благолепно. — Он не вполне удовлетворился сказанным и счел нужным продолжить: — А с ручными насосами проблем не повстанет. Комиссары из Кальварии подключат невольников своих для работы нашей. Благолепной.

— Грушевка — вольная муниципалия, — сказал я печально. — Тут всегда уважали человека. Не хватало, чтобы начали говорить, что мы греемся награбленным и моемся чьими-то слезами и потом.

Мое замечание не нашло поддержки у Цугундера, и он поспешил сменить тему. Было видно, что государственный строй Кальварии ему нравится. Тоскует человек по сильной руке. Не зря у него все же кличка Цугундер.

— Дня сегодняшнего, после четвертого звона, Филипп, Манька и бригада Кочевого пройдут по проспекту с ружьями, окомпаньённые стрельцами нашей новой армии! Говорят, Кальвария передаст по три взвода с калашами на каждые ворота!

Я перевернул страницу и увидел огромную, на весь лист, иллюстрацию к новости о параде: художник дал волю своим представлениям о величии военных смотров. Рядом с куцыми пятиэтажками проспекта Свободы ползли настоящие танки, за которыми шли тракторы и комбайны. К прицепам и жаткам были приделаны бомбы и ракеты. По-моему, художник подзабыл, как проходили военные парады в дизельную эпоху. Для перевозки ракет, кажется, использовалась совсем другая техника. Как же она называлась? Самосвал? Лиму-

зин?

На широченных ступенях мавзолея «Виталюр» был изображен весь состав грушевского политбюро: Бургомистр, его секретарша Магдалена и звонарь Гацак. Вслед за танками и комбайнами по проспекту шли три невольницы. Их художник изобразил одетыми в облегающие спортивные костюмы, с длинными лентами в руках – с такими раньше выступали гимнастки.

– Зрите, узрите! Обок с кальварийскими стрельцами шествованием пройдут настоящие женщины-невольницы! Сиятельно, правда?

Я посмотрел на Цугундера. Носатое рыло раззявлено в полуулыбке, глаза вытаращены. Общее выражение примерно такое же, как у Герды, когда она, налаявшись, трусцой спускается из сожженного магазина. Чтобы побороть отвращение, я открыл страницу международных новостей.

Тут был краткий дайджест:

«Невры, превратившись в волков, опустошили двадцать поселений Брестской Конфедерации. После чего превратились в людей и сейчас могут находиться среди нас».

«В республике Чепетовка андрофаги вступили в битву со скифами и победили их. Шесть жителей Чепетовки съедены на празднике в честь победы».

«Гелоны уничтожили всех бобров в священном озере и вслед за будинами начали питаться сосновыми шишками».

«Город Света провозглашает достижение эры благоден-

ствия, в связи с чем существенно увеличивает плату за выход».

«Козлоногие вырезали два торговых каравана».

«Экспедиция британских ученых, направившаяся на край земли, сообщила про выход к необозримому каньону, за которым видна только черная бездна. Как показали предварительные замеры, пропасть простирается на глубину, что значительно превышает их оценочные ресурсы (длинный шнур с грузилом). Экспедиция обследует обрыв по всей длине, чтобы оценить его протяженность. Британские ученые не исключают, что найденный ими впотьмах каньон может иметь отношение к краю Земли».

– И это – новости с нашей планеты? – Мне как-то захотелось срочно выпить варева из бидона.

– Истинно!

– То есть вы сами в это верите, Цугундер? Что дальше будет? Британские ученые обнаружат гигантских черепах, на которых лежит Земной блин?

– У меня нет фундаментов, чтобы этому не верить, брате Книжник! Газета тщательно проверяет информацию. Сомневайтесь – загляните сегодня после четвертой склянки на проспект Свободы. Там все будет так, как тут написано. Однако ж без танков. Танки – се фантазии рисовальщика.

– Так-то оно так. Но «край земли», «андрофаги», «невыры»? Как это возможно? Как в это поверить?

– А чему же верить, когда не этому? Тому, что Земля

кругла в своих формах и вертится вокруг Солнца, как волчонок?

– Волчок, – автоматически поправил я. Однажды я уже просил Цугундера изъясняться нормальным человеческим языком, не делая скидки на то, что обращается он к Книжнику. Но Цугундер меня не понял. Цугундеру нужно было объяснять, что такое «нормальный человеческий язык». – Это все очень похоже на – как там это называлось раньше? – на фэйк ньюз.

– Фальшивые вести были потребны тогда, когда народомую неинтереснейше было читать вести истинные. А когда теперь – зачемо выдумывать? На неби повзгляните!

Хозяин гостеприимно улыбнулся, открыл бидон и нацедил дырявым черпаком в жестяную кружку темной жидкости. А потом – действительно исключение – налил полкружки и себе.

– Будемствуем! – предложил он, и мы чокнулись.

– Будем! – выдохнул я, проглотив половину налитого. – Надо сказать, ваш медок стал гораздо лучше.

– Таинства рецептов моих не топчутся на месте лобном, – усмехнулся Цугундер. – Экспериментирую с черным перцем и мятой. Что, чего греха таить, существенному удорожанию смеси послужило. Приходится брать с холопиев по полтора цинка за две чарки. Но для вас – бесплатно, – снова повторил он.

Этот человек даже душу дьяволу три раза продаст!

Медок достиг желудка и взорвался там изумрудным салютом. Я сдержал рвотные позывы. Герда жалостливо проскулила – она сразу чувствует, когда я вру из вежливости, а когда говорю правду. Несколько секунд спустя я ощутил, что у меня в голове образовалось нечто вроде водоворота, который принялся сносить сознание куда-то в сторону. Мысли и внимание будто оттягивались инерцией чужеродного и настойчивого течения и преобразовывались таким образом, что весь негатив находил позитивное толкование. Я посмотрел на Цугундера. Его морда уже не вызывала отвращения, и та самая внутренняя инерция шептала, что медок делает человеку настолько плохо внутренне, что на фоне этой дряни любая мировая проблема сама себя определяет как несущественную.

– Я вот на очи свое лицезрел караванщика, которого обкусал невр, – продолжил Корчин. – Он мне даже шрам показал.

– Может, волк шрам оставил. Или собака.

– Собак всех съели за царем Солтаном, брате Книгарь, – весело усмехнулся торговец. И подмигнул Герде: – Без обидок!

– И все же... – Я решил не высасывать остатки из кружки: пока мне хватит. – Мы жили на Земле столько тысячелетий. Почему не сталкивались с этими андрофагами?

– Слов нет сказать, как часто слышать принужден такие словеса людей, – вздохнул Цугундер. – На неби киньте взор.

– Послушайте, а вы можете еще раз объяснить, как работает их система сбора международных новостей? – попросил я, отставив недопитую кружку.

Цугундер быстренько влил остатки меда обратно в бидон.

– Ничегошеньки, еще подбродит, только наваристей станет, – объяснил он свой жест почти некосноязыкой скороговоркой. И вернулся к моему вопросу: – Журналист восседает на самой привышенной точке муниципалии – крыше небоскреба при лютеранском кладбище. Оттуда он лицезреет светловые вспышки, кое иидут с наивысшей окрестной точки, бывшей телевизионной башни Королевства Центр. Общение производится при вспомоществовании световой азбуки. Длинные и короткие вспышки. По договору с международной сетью световых новостей «Репортеры без границ» корреспондент в мановение ока же дарствует полученный дайджест дальше по цепочке. На те вышки небесные, кое способны его узреть. Производится сие не скажу что сильно мощными фонарями. Чем-то типа этого. – Он кивнул себе под ноги, где млеел стандартный светодиодный панорамник с динамо-подкачкой аккумулятора. Я заметил, что после выпивки его язык ускорился и выпрямился.

Цугундер допил свою жидкость, кхекнул, снял с головы сильно засаленную бобровую шапку и занюхал ей. И продолжил:

– В абсолютной черности такие проблески могут быть узреты на расстояньях до ста километров, но приемники го-

родов-государств находятся гораздо ближе.

– А откуда берут новости те, кто сидит на башне в Центре? – спросил я.

– Они призреют сигналы часового завода. Те – с Национальной библиотеки. Вы что, решили свою службу вестей открыть? – усмехнулся он.

– Но должен же быть первоисточник. Центр какой-то.

– Центр есть, – сказал Цугундер и нацедил себе еще половину кружки из бидона. – Как-то не уверовал я относительно вкуса. В нижеследующий раз попробую укропа вместо мяты отмерить, – добавил он рассудительно.

Глаза у него покраснели, движения стали нетвердыми.

– Так насчет Центра вы поспрашивали. Он где-то на юге воспоминается. Далеко-далеко. – Он делал ударение на «о». – Там огромная башня стоит. Многие километры вверх. Такая, что даже канатами железными поддерживается. Чтобы не упала. – Он показал руками, какая эта башня высокая, получилось примерно пятьдесят сантиметров. И тогда он развел руки еще шире, как рыбак-враль. – На башне покоится Оракул. И вот он, Оракул, – основной. Все остальные тут, в округе, цитируют на него.

– А откуда Оракул все знает? – не отставал я.

– Как откуда? – Цугундер растерянно поправил бобра на голове. – Он же Оракул!

Я поблагодарил за угощение и новости и сказал, что мне пора уходить. Он резко схватил меня под локоть. Жест по-

лучился очень профессиональный, и пьяноватый собеседник, наверное, испугавшись смутных теней своего прошлого, быстро отдернул руку.

– Зажиждись! Что еще хотел произнести. Тут сегодня Немец прохаживал. Ваш закадыка. Который Физик. Он тоже газету чтению подвергал и тоже зело подрасстроимшись стал. Завещал вам передать, что приидет на поболтать.

Я поблагодарил и не очень ровной походкой зашагал по снегу прочь. Герда сочувственно ковыляла рядом. Мне казалось, что она пытается подпереть меня своим черным боком, чтобы я не навернулся в снег. Мол, угораздило к такому хозяину попасть. И этот алконавт нажрался в самый ответственный момент, перед закупом харчей для собаченции! А сейчас еще и череп себе разобьет, придется самой все покупать и потом ему купол чинить, чтобы банку с кормом открыл. И правда, даже кот лучше, чем такой хозяин! Хозяйка хорошая была, только не сберег, обидел, и где она теперь? «Ничего, Герда, найдем мы твою хозяйку», – сказал я вслух. Что я там говорил про одиночество? Одиночество – это когда тебе кажется, что твоя собака разговаривает с тобой.

Но кто-то сзади и вправду что-то кричал. Я повернулся.

– Берегите чресла! – Цугундер махал мне вслед руками.

– Благолепно оставаться! – крикнул я в ответ.

Раздел второй

Если бы в «Охотниках на снегу» Брейгеля кто-то выключил свет, а озеро внизу холма плотно окружил палатками торговцев со звездочками свечей, получилась бы панорама «Господин Книжник и госпожа Герда выходят к рынку». Книжник – любой из удрученных мужчин, которые спускаются к озеру. Герда – любая из черных собак, которые сопровождают неудачливых охотников.

То, что Брейгель очень подходит к этому городу, я понял еще в счастливую пору восходов и закатов. У Минска всегда был Брейгелев снег, Брейгелевы прохожие и Брейгелевы деревья.

Над прямоугольным озерцом нависает величественная «Колокольня» – высокая труба истлевшего и давно разграбленного завода. Именно отсюда Гацак каждый раз объявляет приход утра и вечера. Сразу за заводом начинается пограничная стена, которая отделяет наши земли от Кальварии. Сам рынок – центр общественной, политической и развлекательной жизни Грушевки. Что правда, забав тут мало: точки с брагой разных видов, газета «Газета» и каток, в который превратился прямоугольный прудик.

Две шеренги палаток рядом со спуском с холма торгуют одеждой. Чем теплей, тем дороже. Я протискивался через развешанные дубленки, шубы и шапки, заставы шерстяных

носков и полигоны с ботинками и берцами.

Благодаря работающей котельной Грушевка считается самым зажиточным полисом в округе, и поэтому получить разрешение на торговлю на ее базарной площади очень сложно, а лезут на этот рынок все, у кого есть чем торговать. Хоровод незнакомых лиц, и каждый что-то сунет тебе в нос, и каждый нахваливает свою «почти соболью шубу», свой овечий кожан «всего за двадцать цинков». Есть и те, кто сразу видят: человек одет основательно, продать ему ничего не получится, и пробуют подойти с другой стороны: «Начальник, почем заяц? Начальник, за два цинка беру зайца! Купишь себе бобра!»

Не дураки, видят рядом собаку и мгновенно делают вывод про платежеспособность клиента. Герда прижалась ко мне, мы оба на рынке немного волнуемся, чтоб ее кто-нибудь не украл.

За меховыми рядами начинаются почти безлюдные палатки с платьями, рубашками, пиджаками и футболками: в сумраке можно разглядеть высвеченные фонарем или свечой отрезки роскошных тканей со сказочными узорами. Одежда фей и принцев, воспоминание о прекрасной эпохе, силуэт из *Laterna Magica*.

Когда-то такая шелковая блузка стоила больше, чем кожан из овчины, сейчас же красота не котируется. Продавщицы тут все как на подбор – миловидные девушки, которые своей красотой пробуют напомнить, что когда-то одежда

должна была не только сохранять тепло, но и украшать. Но тьма и холод отняли все. И какой бы изысканный галстук ты ни купил, элегантность выбора смогут оценить только те же продавщицы и только в момент, пока ты за него торгуешься. Потому что, когда наденешь, запахнешь на себе пальто, замотаешься накидкой и, сгорбившись, пойдешь восвояси, всем будет безразлично, что за чудо украшает твое туловище спереди.

Я помню день, когда на нашем базаре на лотках с металлическим ломом перестали выставлять угольные утюги: вещь, казалось бы, полезная, по крайней мере, не менее полезная, чем поцарапанный смеситель или душевая головка. Но кто будет утюжить юбку, которая постоянно – и на улице, и в помещении – скрыта тяжелой верхней одеждой? То же самое, что на солнечных очках попробовать разбогатеть!

Продуктовые ряды начинаются с разных видов рыбы: вьетнамцы торгуют свежим пангасиусом: он выращен в одном из прудов соседнего города-государства. Жирный, огромный, безглазый. Рыба конца света. Дальше – замороженный лосось, форель, хек, креветки, все под одним ценником, сто граммов равны цене года жизни в нашем вольном городке. Дальше – живые голуби, которые, как крысы, как-то находят себе и тепло, и пищу и умудряются выживать и плодиться. За птицами – вымерзшие окровавленные кости крупного скота, зрелище, способное кого угодно сделать вегетарианцем. Следом – крысы и мыши-полевки (последние

– дороже, поскольку не имеют отвратительного привкуса и запаха и их можно употреблять вместе с косточками, если хорошо пропечь).

И, наконец, моя любимая еда, оптимальная по соотношению цены, сытности и происхождения ингредиентов: «пиханная пальцем колбаса». Один цинк за кило. Дешево!

Во времена, когда листья еще трепетали под утренним светом, пиханная пальцем колбаса тоже была в нашем крае национальной едой. В отличие от блинов, роднивших белорусскую кухню с русской, драников со шкварками, которые стоят рядом с цепеллинами и картофельной бабкой в ряду литовских блюд, пиханная пальцем колбаса всегда была чисто белорусским блюдом. Тогда ее еще готовили из смеси не самых лучших частей свиной и говяжьей туш, сала и перца. Но, заметим, – уже тогда! – ее называли, не исходя из ее состава (например, колбаса из субпродуктов), а исходя из метода ее «напихивания».

То, из чего советские люди лепили свои «котлеты» (называя пирожки из дрянного фарша благородным словом *cotlette*, которым во всем мире называют мясо на косточке), белорусы издревле запихивали в свиные кишки, запекали в печи или варили в деревенском «супе рататуй» (не путать с прованским *ratatouille*).

Я понимаю, почему торговцы на базаре затемненной Грушевки не заинтересованы в отражении состава своей колбасы в ее названии. Но для меня загадка, почему та, стародав-

няя «пиханная пальцем колбаса» сберегла тайну своего происхождения от всех. И – что самое главное – вкус остался почти тем же! Особенно если хорошо прожаришь на углях! Поэтому, пожалуйста, никогда мне не говорите, из какой дребедени сделано то, за что я сейчас отдам свой цинк! Мне это неинтересно! И не удивляйтесь предыдущей гастрономической лекции: человек, который все время хочет есть, будет петь про пищу с вдохновением Кнута Гамсуна.

И сейчас, когда колбаса выбрана, взвешена, настало время рассказать про самую важную вещь в наши темные времена. Вещь, за которую можно купить все, кроме нормального отопления в квартире и солнца за ее окнами (а также других вторичных мелочей).

Цинк. Когда торговцы настоящими вещами (то есть светом, теплом и пищей) перестали принимать бумажные деньги, а воспоминания о капиталах, похороненных вместе с банковскими счетами и банковской системой, перестали быть приличной темой для разговора даже на точке с медом, мир погрузился в бартер. Люди меняли одеяла на свечи, моченые яблоки на буржуйки, уголь на зажигалки. Но быстро нашлась штучка, оказавшаяся полезной (в отличие от золота, которым люди начали лудить самовары) и не самой распространенной. Источник света и – если говорить о недолговечных обогревателях – относительного комфорта. Последний надежный носитель малых доз электричества.

Могу только догадываться, почему батарейки и аккумуля-

ляторы, в большинстве своем гальванические, никель-металл-гидридные и никель-кадмиевые, начали называть именно цинком. Ведь патрончиков с обозначением *Ni-Zn* в обороте не очень много и котируются они одинаково с *Ni-Mh* и *Ni-Cd*. Я думаю, все дело в том, что «цинк» просто классно звучит², а народ к таким вещам очень чувствителен. Он может не оценить мелодичности поэзии Жилки, но звонкость и четкость «цинка» от вялости «никеля» и «кадмия» он отличит легко. Новая мировая валюта не может называться «кадмием», согласитесь. В «цинке» слышится и цинизм, и пренебрежение к тем, у кого «цинка» нет. Попробуйте спросить: «Цинк есть? А если найду?» И сравните это с «никелем»! Две большие разницы!

Если колбаса, за которую вы должны заплатить, стоит, как в моем случае, 1,69, – в ход пойдет любая мелочь, монеты всех стран мира. В моем кармане смесь польских грошей, литовских центов, русских копеек, азиатские и африканские медяки, на которых можно разобрать только номинал. Кстати, разборчиво отпечатанный номинал является обязательным условием допуска мелочи в оборот. Если у вас от деданумизмата осталась серебряная четверть пенса, на которой достоинство написано по-английски, пенсы не примет ни один меняла, можете выбросить. Потому что фальшиво-

² На самом деле причина в том, что Ni-Zn аккумуляторы дают наибольшее напряжение в линейке, 1,6 В против 1,5 В у гальванических, – этот факт широко известен в Индии.

монетничество, так же как и расчет не «полным» цинком (а торговец с плохим характером может проверить на детекторе напряжение каждой батарейки), карается изгнанием за границы нашего теплого и уютного рая. Размеры (AAA или AA), тип, а также возобновляемость элемента на его стоимость не влияют. «Один цинк» равен ста монетам или 1,2 вольтам и никак иначе.

Я выгреб из кармана жменю монет и спьяну не сразу заметил, что под ноги торговцу выскользнул небольшой футляр, закрытая плоская визитница. Тот хотел поднять, я наклонился, чтобы перехватить, но не успел: серебристая вещь уже была в его руке. «Это мое, мое! Не трогайте, пожалуйста! Отдайте!» Торговец удивленно отпрянул и уважительно подал мне находку; он и не собирался ее открывать. Я покраснел. Наверное, выглядел я чудиком. Когда отходил, заметил, что колбасник, у которого я покупал еду далеко не впервые, быстрым жестом прогнал мой цинк через детектор: кто его знает, чем может расплатиться такой псих.

Я стиснул холодную рыбку визитницы в левой руке и не выпускал, пока расплачивался за Гердины консервы, хлебец и двадцатилитровую бутылку воды. Тут и выяснилось, что я настолько согрелся медком у Цугундера, что забыл свои санки на его точке. Пластиковую дурынду с булькающей жидкостью пришлось тянуть за собой по обледелому асфальту волоком. Про выражение Гердиной морды, пока она наблюдала мой балет на льду, и говорить нечего – сами догадае-

тес. Но ее, наверное, можно было бы размещать на антиалкогольных плакатах.

Дома, после помещения в отравленный организм зажаренных на углях колбасок, земля перестала уплывать из-под ног, а выражение морды у Герды смягчилось. Я лопал хлебец, запивал сладким чаем – вкуса хлебец не имел, что нормально для выпечки, которая состоит из субститутов. Потому что ни пшеницы, ни ячменя в нашей местности не осталось. Закончил я свой обед жменей витаминок, без которых у любого в наше время очень быстро повыпадают от цинги зубы.

Гацак пробил две склянки, Герда устроилась рядом с батареей на дневной сон, я обновил аккумуляторы в осветительных приборах. Наконец звонок, шнур которого протянут от подъездной двери к моей квартире, звякнул, и начались визиты.

Первым пришел Доктор. Он всем своим видом опровергал седой и добродушный образ Айболита из детской сказки. Стереотипы нужны для того, чтобы лучшие из нас никогда им не соответствовали. А кто, как не лучшие, остаются в ремесле спасения человеческой жизни, когда в операционной темно и холодно, аппарат искусственного дыхания не работает, а МРТ можно сделать, только вскрыв пациенту черепушку? Моложавый, подтянутый, на вид – злой. Абсолютно изможденный работой.

Я спросил про санитарно-эпидемиологическую ситуацию

в нашей вольной Грушевке. Тот махнул рукой:

– Люди мрут от обычной ангины, антибиотиков не осталось, деньги на медицину у Бургомистра есть, но купить лекарства негде, *шахтеры* обшарили все близлежащие базы Белфармации. Бинты еще более-менее научились изготавливать без электричества, но как и из чего произвести инсулин?.. Но вот что интересно, – сказал он, подумав, – тяжелых болезней стало меньше, я уже не помню, когда в последний раз диагностировал опухоль.

– Нет худа без добра, – попробовал я выкрутить на позитив.

– Правда в том, что до опухолей никто просто не доживает, – развел он руками. – Надо иметь хорошее здоровье, чтобы умереть от опухоли в семьдесят. Сейчас все умирают в пятьдесят. – Доктор быстро зыркнул мне в лицо, чтобы оценить возраст и понять, напряжет ли меня такое наблюдение. – А если говорить про «нет худа без добра», то я за последние сутки принял десять родов. Я у этой твоей Алексеевич читал, что в войну люди люто любили. Так сейчас то же самое. Вокруг темнота и холод, а в каждой семье по пять детей. А чем кормить будут, подумали? Когда все военные консервы и стратегические запасы кончатся?

– В темноте человек более уязвим. Ночь всегда была временем обострения чувств. Вот и любят люди.

– Нет, я думаю, что это биологическое. Опасность включает механизмы видового самосохранения. – Он снова задумался. – И вот еще одно наблюдение. Находишь, например,

редкую упаковку анальгетиков. Срок годности – до две тысячи пятидесятого. И вот стоишь и думаешь: этот две тысячи пятидесятый уже наступил? Или нет? Как вы думаете, Библиотекарь? Какой сейчас год, если отбросить условности?

Я пожал плечами и мягко его поправил:

– Я Книжник, а не библиотекарь. Библиотекари – это те, кто позволил весь фонд детской библиотеки Грушевки пустить на растопку.

– У нас была библиотека?

– Да, – хмыкнул я. – И неплохая. Там книг было раз в десять больше, чем у меня. Но когда начался хаос, библиотекари попрятались по домам и книги не защитили, никто не мешал грабителям их по цене дров на базарной площади продавать. А моя частная коллекция осталась.

– Как люди могли придумать книги жечь! Их же сейчас даже не купишь!

– Это оно сейчас так. А было время, сразу после блэкаута, когда люди еще не вспомнили, какое это наслаждение – читать. Про ценность книг помнили единицы. А на одном томике, как писал один русский любитель гастрономии, можно даже стейк прожарить. Поэтому и обогревали жилища накопленным человечеством мудростью.

В комнате стало тихо. Слышно было только, как сопела Герда: Доктору она доверяла, поэтому спала в его присутствии.

– Так что вам посоветовать в этот раз? Может, Булгакова,

«Записки юного врача»?

– Ни в каком случае! – Он округлил глаза. – Вы думаете, мне всего этого в операционной не хватает? Я бы попросил чего-нибудь легкого. Не про этот безумный мир. Где есть дружба, приключения, может, какая-то война, но так, чтобы без крови и бинтов.

– Понял! Погодите минуточку!

Я никогда не приглашаю свою клиентуру за запертую дверь, в свою спальню. Каким бы обеспеченным ни был человек, не надо его искушать зрелищем книг, выставленных от пола до потолка плотными рядами. Наиболее ценные для меня экземпляры – прижизненные издания классиков, книги с автографами известных авторов – заставлены более дешевыми приключенческими романами в бумажных обложках. Больших предосторожностей не требуется, поскольку, по мнению среднестатистического грабителя, наиболее ценными являются именно приключенческие романы.

Но как же приятно отставить в сторону сборник «Продается планета» и достать серенькую бумажную папку с блеклой надписью *Kochanek wielkiej niedźwiedzicy* и пометкой «1937, Таварыства выдаўнічае РОЙ». Или найти под затертым до дыр «Зовом Ктулху» – абсолютным хитом новых времен – скромненькую синенькую книжку *100 años de soledad* с оттиснутым золотом обозначением «1967» на корешке.

Подумав над просьбой Доктора, я вытащил с самого верха первую часть «Властелина колец». Твердая обложка, по-

хожий на Гацака Гендальф на обложке. Все как Доктор описал: и дружба, и приключения, и война без бинтов. К тому же скоро можно будет ожидать его возвращения за второй и третьей частями. Доктор вручил мне один цинк за стандартные три дня пользования книгой и пошел отдыхать.

В коридоре уже топтался другой читатель, Шахтер. Герда сразу напряглась, как только он вошел: подняла голову и начала следить за его движениями. Шахтер прострелил мою комнату профессиональным взглядом человека, чей доход и жизнь зависят от постоянной оценки угроз и быстрого распознавания любых ценностей в темных и холодных помещениях. Пошарив взглядом по стенам, он сел на гостевой табурет таким образом, чтобы одновременно контролировать и окна, и Герду, и входную дверь. И только после этого поставил свою М-16: приклад на пол, ствол к стене.

Я не знаю, почему их называли *шахтерами*³ – тех, кто рыщет за границами городов в поиске вещей и веществ, которые человечество больше не производит, но в которых до сих пор остро нуждается. Есть шахтеры, ищущие артефакты на заказ, есть те, что просто шныряют по пустырям, собирая то, что кто-то потерял, забросил и что еще не успели растащить грабители. Что отличает шахтера от грабителя? То, что шахтеры никогда не нападают на живых. Всё окружающее воспринимается шахтерами как нетронутые недра, откуда нужно извлечь условную руду.

³ В нашей части света их звали садху.

– Здоров, Книжник! Мне бы книжку какуючитать! – сказал визитер. – Таковую, чтобы не сильно мозг грузила. И чтобы про ночь было. И про опасность. И чтобы кто-то ночью куда-нибудь шел. И кругом – мир враждебный. Хочу потренироваться. Предыдущая мне понравилась. – Он вернул «На Западном фронте без перемен». – Смешная. Но я сейчас хочу без ржаки. Чтобы про жизнь. Вот тебе за задержку. Был на миссии, в поле. Не смог раньше вернуть. – Он вынул из кармана жилета склеенные скотчем похожие на патроны десять батареек ААА.

Я недолго думал, что ему посоветовать. Копаться в библиотеке, когда в соседней комнате с Гердой сидит такой отморозок, как-то не хотелось. Вернулся и вручил «Сотникову».

– Вот. Это про жизнь. Про ночь там тоже есть.

– Спасибо, Книжник. Верну, когда вернусь. – Он подхватил винтовку и встал.

– Слушайте, я у вас спросить хотел. Вы только извините, что это как будто немного про вашу работу. – Я сделал виноватую паузу, потому что *шахтеры* действительно не любят говорить про то, что за оградой. – Видели ли вы когда-нибудь невра?

Он спрятал Быкова и вытянулся. Задумался, глаза у него стали страшноватыми. Потом усмехнулся – и выглядело это как-то не очень приятно.

– Невра живого не видел. Но того, кто видел, видел. – У

Шахтера под глазом дрогнула жилка. – Разодранная разгруз-ка – все внутри выедено вместе с костями. Ни головы, ни позвоночника. И берцы стоят. Зашнурованные. А в берцах – ноги, нетронутые. Вот так выглядит тот, что видел невра. Волк бы такого не сделал.

Я подумал, что убить человека мог и другой человек. А обглодать останки – собака. Похоже, сомнения отразились у меня на лице. Потому он продолжил:

– Неживых в квартирах много. За стеной. В холодных го-сударствах. В пустошах. Люди засыпают и не просыпаются. От холода. Или от болезней. А звери таких не трогают. За-мерзшее тело не прогрызть. Но самое страшное – не нев-ры. А козлоногие. Их я тоже не видел. Но видел тех, кто ви-дел. На юге есть один мужик по кличке Двухвостый Барсук. Он единственный, кто однажды убил козлоногого. А так – каждый второй раскуроченный караван, и козлиные следы вокруг. Кто убежал или выжил, все говорят про хрюканье. Некоторые и про свиные рыла добавляют. Свиные. Вот такой Западный фронт, Книжник.

Он забросил винтовку за спину и собрался выходить.

– Слушайте, я хотел еще один вопрос задать. Вот если бы я вдруг собрался пойти на юг. Нужно мне... Что бы вы по-советовали? Так, в целом?

– Посоветовал бы этого не делать. – Шахтер тяжелым взглядом просканировал мою фигуру. – Но если очень надо – одеться потеплей. Взять цинка. Взять оружие. Еду и питье

можно не брать. За стеной этого больше, чем тут. Зайти к Кочегару в Котельную. У него есть большая карта. Еще с тех времен. Он тоже хотел куда-то податься. Заказал ее мне. Я таскался с ней, наносил то, что видел. Там и Город Света обозначен, и железная дорога, и всё. Получил, расплатился. Много она ему стоила. Пятьдесят цинкарей. Но потом у него что-то с коленом случилось. Не пошел. Карта у него.

Он кивнул на прощание. Закрывая дверь, повернулся ко мне:

– И книги городу передай, если пойдешь. Не хочу твою квартиру втихую дербанить, когда ты исчезнешь.

После Шахтера зашла Торговка с рынка, тоже постоянная клиентка. Тот случай, когда цинка много, но чего-то не хватает. Добрые глаза, умное лицо. Дети и муж остались в Крыму, когда солнце не взошло. Сначала просила сентиментальную литературу, потом сделалась ироничной и стала углубляться в философию. Начинала с Платона и через франкфуртскую школу дошла до постструктурализма. Хотела и дальше, но «дальше» кончилось. Я слышал, как, продавая моченый чеснок, она ловко задвигала про воображаемое у Лакана. Кажется, это последнее применение философии в нашем мире, где даже бумажным деньгам люди перестали доверять. Сейчас она вернула «Куклу и карлика» Жижека. Вернула со сдержанным выражением лица. Попросила что-нибудь «умное», но чтобы там было «про человека и его жизнь».

Я дал ей «Письма к Луцилию» Сенеки со словами: «Этот человек первым признал, что “ночь проявляет наши проблемы, а не скрывает их”». А потом извинился за Жижека и вернул цинк, заплаченный за него. В будущем нужно будет придерживаться античности: все сказанное тогда остается актуальным и после того, как погасли киноэкраны.

– Сейчас на проспекте Свободы начинается парад. Я как раз по чистой случайности туда направляюсь. Не хотите составить компанию? – спросила она меня будничным тоном, как интеллектуал интеллектуала.

– Я не люблю большие сборища людей. Не люблю оружие. Тем более не люблю большие сборища людей, которые пришли поглазеть на оружие. Приношу свои извинения!

Она, кажется, и не обиделась: когда человек столько читает, он теряет способность обижаться.

– Военный парад – это не про оружие, а про радость. Люди собираются, потому что хотят вместе посмотреть на парад трикстеров. Вместо вооруженных военных там могут шествовать переодетые в цветные костюмы фигуры Бургомистра и Гацака, невров и Тьмы. Смысл от этого не изменится. Мы наблюдаем, и в нашей отстраненности, в этой безопасной определенности ролей – источник карнавального счастья.

– Да-да, но я очень занят, – поднял я руки. – Сегодня просто ну никак.

Интересно, что умные женщины, когда им отказываешь, выглядят куда более беспомощно, чем неумные.

– Ну, тогда хорошо... – было ясно, что больше попыток она предпринимать не будет. – Пойду на парад с этим вашим Сенекой. – Она хлопнула дверями чуть сильнее, чем позволяла вежливость.

Я сел за стол, взял огрызок карандаша и накорябал на бумажке:

1. Теплая одежда.
2. Цинк.
3. Оружие.
4. Карта.

Потом напротив оружия поставил вопросительный знак: я не шутил, когда говорил Торговке, что не переносу ружья и автоматы. Если брать с собой в поход ствол, из него, как учил Чехов, обязательно придется в кого-то стрелять. А стрелять в живые создания мне не нравится.

Скоро издалека донесся грохот барабанов: начался парад. После шестой склянки зашел Немец.

– Доброй ночи, – тихо обратился он ко мне и назвал по имени. Последний человек в этом городе, который называет людей по старинке, а не обозначая профессию.

– Доброй ночи, господин Рейтан, – сказал я и пригласил его на кухню. Герда под села под его руку, и Немец начал чесать ей за ухом. Герда любит Немца. Может часами сидеть вот так, загипнотизированная его бережными прикосновениями.

Немец выглядел усталым и постаревшим. Мы какое-то время не виделись, а до этого просиживали у меня за спорами от вечернего и до утреннего гацаковского звона. Потом он как будто куда-то пропал – я не заходил, не хотел его тревожить.

Рейтан был сам по себе, детей у него не завелось. Подчеркивал, что он «из тех самых Рейтанов» и что на нем «Рейтаны закончатся». Хорошие манеры не позволяли мне спросить, что это за «Рейтаны» и чем эти «Рейтаны» примечательны. Как-то он упомянул, что его далекий предок пробовал не дать «разодрать Беларусь на куски, но проиграл “пустомелям”». И про Грушевку в его истории что-то было. Без *Google* деталей уже не выяснить, но из его запутанного рассказа я понял, что предок этот лежит вот прямо на нашем лютеранском кладбище. Потому что немец. А где еще в Грушевке⁴ немца похоронить могли?

Когда-то Рейтан работал гейм-дизайнером. Он был, как тогда говорили, «айтишником». Айти – префектура на японском острове Хонсю, где в XVII столетии была предусмотрена смертная казнь для христиан, которые пытались овладеть японским языком. Айтишники тоже пользовались собственными языками, языками программирования, которые приносили им благосостояние. Из-за сходства отношения японцев Хонсю XVII столетия и обитателей Силиконовой долины к языку последних и называли айтишниками.

⁴ Энциклопедия помогла мне понять эту шутку.

Рейтан создавал цифровые миры. Образование – физмат, то есть отвечал он наверняка не за дизайнерскую, а за цифровую часть. Был человеком уважаемым и состоятельным. Создавал законы, по которым жили миллионы геймеров, проектировал для них «ландшафты» и «уровни». Все время тоскует по огромному дому, который построил в Ратомке, как и положено Богу – создателю электрических вселенных. Но потом кто-то более могущественный вытащил шнур из розетки.

И остались только тьма и однушка недалеко от проспекта Свободы. Чтобы дойти до Ратомки, теперь надо пересечь границы шести городов-государств, причем этот риск не будет иметь никакого смысла: дом отапливался газовым котлом, ни камина, ни печи в нем, по тогдашней экологической моде, не было. Поэтому сейчас выжить в нем просто невозможно.

Работы у Немца после наступления тьмы не было. Он жил на капитал, который успел наживать, когда понял, что нужно срочно сдавать доллары (он, как математик, это понял одним из первых). Гений рациональности, он до последнего пытался объяснить все, что происходило вокруг, с научной точки зрения. Об этом мы, собственно, и спорили с условной ночи до условного утра. Но, повторяюсь, последнее время он как-то скучился, глаза погасли.

Рейтан достал из кармана герметичную жестянку из-под гуталина, торжественно свинтил с нее крышку. Внутри ле-

жал небольшой целлофановый сверток.

– Вот, берег на черный день. Кипяти воду. Сейчас будем баловаться.

– Что это? Не может быть! – вскрикнул я, не веря. Потому что запах просочился даже через целлофан.

– Да, это последние запасы. Может, даже последние на Земле. Настоящий. Не желудевый. Не цикориевый. Я когда-то сам с Явы привез. Черный, средней обжарки. Свежемолотый. Кофе! Хотел разделить с другом. Радость, переживая в одиночку, не настоящая. Воспоминаний не остается.

О, как мы пили этот кофе! Ричард Пратт из рассказа Роальда Даля «Дегустатор», поставивший на кон свой дом, и то не так чутко прислушивался к вкусовым оттенкам вина, чем мы – к нашему напитку. Шутка ли: последние глотки кофе на земле! Каких только ноток мы по очереди в нем ни находили! Каких только забытых запахов не слышали в его аромате!

– Корица! Чувствую корицу! – ревел я. – А этот легкий ореховый привкус?

– Жареный фундук на второй секунде послевкусия! – закатывал глаза Рейтан.

– А вот сейчас, как немного остыл, – настоящий шоколад! – щелкал я пальцами.

Герда наблюдала немного презрительно: она не могла понять, почему эти смешные люди не могут определить вещь по чувствам, свойственным ей одной. Свежемолотый кофе

пахнет свежемолотым кофе и имеет вкус свежемолотого кофе. Именно поэтому во времена, когда кофе можно было купить в любом магазине, мы пили его с таким наслаждением.

– Лучшая вещь под темными небесами, – сказал я, когда жидкость в наших кружках закончилась.

– Они не такие уж и темные, – педантично заметил Рейтан.

– Ты начал видеть в небе солнце? – усмехнулся я.

– Видишь очертания ветвей того дерева за окном? – кивнул Немец на яблоню, мерзнущую в темноте у дома. – Если бы небеса были абсолютно темными, если бы за облаками ничего не было, никакого источника света, твой глаз не смог бы разглядеть даже эти ветки. Не задумывался об этом?

– Поверь, дружище, среди вещей, о которых мне приходится беспокоиться, эта стоит на последнем месте. Что там, за облаками, отсвечивает? Да мне все равно!

– Что дает такой перламутровый блеск... Когда-то подобную подсветку обеспечивал город, его огни. А сейчас? Не понимаю... Но это не все мои гостинцы.

Немец запустил руку в карман пальто и под мои восхищенные стоны выудил оттуда голубую баночку сгущенки. Проковырял ножом две дырки. Я разломил хлебец на крупные куски и залил остатками кипятка свекольную «Принцессу Нури». Рассыпчатый, почти без вкуса, пресный эрзац-хлеб со сгущенным рогачевским молоком – это было королевское лакомство даже в более благословенные времена.

– Дружище, ну скажи, что ты нашел тайный склад с сокровищами древней цивилизации! Потому что и кофе, и сгущенка в один присест – это уже на границе человеческих возможностей! – тархтел я.

Но Рейтан стал серьезным. С самого начала чувствовалось, что он находится под гнетом каких-то мыслей, из-за которых смеется и веселится через силу.

– Знаешь, что я подумал на днях? – произнес он. – Что древние, прекрасно развитые цивилизации могли погибать именно так. Почему закончилось Старое царство в Древнем Египте? Почему в минус две тысячи двухсотом году те же египтяне, которые построили уникальную ирригационную систему в пустыне, уже не знали даже, как поддержать ее в работоспособном состоянии? Что с ними стряслось? Аккадское государство в Месопотамии, майя, все эти заброшенные стародавние мегаполисы в Азии, про которые ты рассказывал после ваших путешествий с... Хотя бы тот же Баган в Мьянме. Может, так они и погибли?

– Ты про солнце? Исчезал свет, начинался голод. Никаких разрушений. Храмы стоят как после нейтронной бомбы. Историки чешут репу.

– Я про технологии. Про картину мира. Как только они достигали определенной технологической границы, появлялся какой-то фактор, который отправлял их обратно в каменный век. Я раньше думал, что для нас таким фактором станет Интернет. Ведь люди тогда перестали жить и начали залипать.

– Не без вашей помощи, ваше благородие! Не без вашей помощи! – Я толкнул его в бок. Но Немец оставался серьезным. – Слушай, а чего это ты в мистики подался, друг? Ты же всегда все так ловко и по-научному объяснял? Помнишь наш спор о том, почему газ и бензин по всей Земле перестали воспламеняться одновременно с блэкаутом? Я настаивал на том, что это больше похоже на кару небесную, чем на военное вмешательство или что-то рациональное.

– О, ну это как раз очень просто объяснить.

Он подошел к плите, открыл поцарапанную крышку, включил газ и стал вжикать зажигалкой. Искры летели густыми снопами, попадая на горелку, но, конечно, никакого возгорания не происходило. Немец смотрел на это в задумчивости.

– В атмосфере, которая состоит из фтора, будет гореть вода, – сказал он, продолжая цокать зажигалкой. – Крохотное изменение в химическом составе воздуха влечет за собой перестроение всех химических реакций.

– Слушай, ну хватит! – Я кивнул на газовую горелку, но он завороченно продолжал поливать ее искрами.

– Первостепенным тут могло быть наступление темноты. Если объяснить его, то можно будет объяснить и все остальное. Например, почему углеводороды перестали реагировать на огонь, а порох, уголь и дерево сохранили свои свойства.

– Хватит, Рейтан! Отравимся! – снова воскликнул я.

– Метан не токсичен и никогда не был вредным для здо-

ровья, – ровным голосом возразил он и продолжил: – Наша беда в том, что мы построили цивилизацию химических реакций. Мы ездили на автомобилях, которые приводились в движение превращением одного реагента в другой, и спали в домах, отопляемых по тому же принципу.

Я вскочил, мягко отстранил его от плиты, выключил горелку и перекрыл вентиль.

– Хватит, брат. Герда чихать будет. Пожалей собаку, у нее от метана шерсть чешется и сопли текут. Правда, Герда?

Она лежала на полу и даже не подняла головы: была обижена тем, что Рейтан заболтался и перестал ее гладить. Немец заторможенно сел за стол. Я попробовал перевести тему:

– Ты был на параде?

– Да, проходил мимо. – Его глаза ожили. – Серьезных таких головорезов Кальвария подогнала. С калашами. Нашел себе Бургомистр занозу в мягкое место. Когда они на рожон попрут, бригада Кочевого с Манькой – весь наш силовой блок – будет иметь кислый вид и дрожь в суставах. Они не только хорошо вооружены, они выглядят опытными разбойниками.

– А что с невольницами? Не обижали их?

– Девушки следом шли. Расфуфыренные такие. В коротких шубейках. С голыми ногами. Холодно им, наверное, было. Мужики из толпы свистели, женщины оскорбления выкрикивали. Я считаю – напрасно, в чем они виноваты? Они

же рабыни. Как поставили, так и пошли. Когда колонна к трибуне «Виталюра» подходила, сзади к одной из невольниц какой-то пьяноватый огрызок пристроился. Ноздреватый такой. В бобровой шапке. По виду – из купцов. Он, может, не понял, чем парад от оргии отличается. Даже уже и хозяйство свое оголил. Но его люди оттащили, повалили на землю, пнули пару раз, чтобы Грушевку не позорил. Мы же вольный город, где человеческое достоинство уважают. Не какая-то средневековая тирания.

– А Бургомистр девушек себе забрал? Или кальварийским отдал?

– Да ты что! Он прямо там, с трибуны, объявил, что Грушевка дарит им свободу. Что они теперь – вольные гражданки нашей муниципалии и могут выбирать себе любую приличную профессию.

– А как кальварийские?

– Комиссара и его людей перекосило. Ведь сейчас все кальварийские невольники задумываться начнут, почему в братском полисе рабовладения и эксплуатации нет. А тепло в домах – есть.

Ничего, там у них тоже должны какие-то газеты быть. Специально для невольников. Как-нибудь и им правильное положение дел объяснят. Как единственно возможное.

Я щедро залил кусок хлебца сгущенкой и отправил в рот. Почему никто не понимал, насколько это вкусно, до того, как случился блэкаут? Нейтральный, похожий на влажный кар-

тон хлебец и сладко-сливочная сгущенка.

– Ты читал про край земли? – Рейтан помрачнел. – Что ты про это думаешь?

– Да полный бред. Ну про невров или кого-то, кто показался напуганным невроми, я еще могу поверить. Но какой край земли? Когда это Земля плоской стала?

– Может, всегда была, – с сомнением пожал плечами Рейтан. – Наши знания про галактику, далекий космос, земные недра, придонное пространство глубин океана исходили из экстраполирования известного на неизвестное. Представления о структуре планеты мы черпали из измерений скорости распространения отраженных сейсмических волн во время землетрясений. Мы составили представление про земную кору, мантию и ядро исключительно на косвенных подсчетах. А что нам все это время было ближе, чем Земля? Могли ли мы исключить на основании распространения сейсмических волн, что вместо ядра в центре Земли находится, например, ад? В рамках той, прошлой системы сейчас на кухне должно быть минус двести семьдесят три градуса по Цельсию.

– Мы с тобой как будто местами поменялись, дружище! – хлопнул я его по плечу. – Ты говоришь то, что всегда говорил я. А мне приходится произносить твои реплики. У этого всего должно быть логическое объяснение. И оно есть! Точно!

– Но, возможно, не в границах той логики, которой мы пользовались до сих пор, – невесело усмехнулся он. – Зна-

ешь, что меня в этом всем немного настораживает? В неврах этих всех. Андрофагах. В скифах. То, что мне кажется, будто я про это где-то читал. Раньше. Словно это что-то знакомое. Ты не помнишь такого? Ты же у нас больше книжек прочитал?

Я задумался. В голове Тацит танцевал брейк-данс с Иосифом Флавием, почему-то в декорациях голливудского фильма «Троя» (Брэд Питт в роли Ахиллеса вспоминался особенно выпукло). Взвесив все, я ответил:

– Знаешь, чем больше книг ты читаешь, тем меньше помнишь какую-то конкретную. Особенно если не заглядывал в нее десятилетиями. А таких, однажды пролистанных, большинство. Когда я первый раз напоролся на упоминание невра в газете, было ощущение узнавания. Но сейчас ассоциируются они разве что с последними новостями нашего мира.

– Вот и у меня то же самое! Но что-то свербит вот тут. – Он ткнул пальцем себе в лоб.

Рейтан рассыпал по кружкам последние крохи кофе, добавил сахара и залил кипятком. «Кофе по-польски» блеснул жирноватой пенкой. Немец взял свою кружку так, будто в ней был налит коньяк, и торжественно произнес:

– У меня есть тост. Я хочу выпить за человека бездействующего. Продукт нашей эпохи. Которая закончилась и сейчас ожидает, когда закончимся и мы. В эпохи античности, темных веков, Ренессанса и Нового времени люди, столкнувшись с проблемой, что-то делали. Стимул – реакция, черт

его побери! Потом появились *Google* и *Instagram*. Первый приучил нас гуглить, второй – селфить. К этим двум базовым реакциями и свелось взаимодействие человечества с окружающим миром в то время, когда мы не залипали. Потому что чем дальше, тем меньше мы с этим окружающим миром взаимодействовали. Потому что втыкали. Висли. Пялились.

В Минске было шесть ТЭЦ! Шесть, черт возьми! Половина из них спроектированы так, чтобы работать на угле и мазуте. Что делал человек бездействующий, когда встали газовые турбины? Он попробовал загуглить, но у него не получилось, потому что Интернет закончился вместе с электричеством. Потом он сделал селфи, потому что яблочники еще работали. А когда выяснилось, что *Instagram* не откроется больше никогда, человек бездействующий всю свою энергию направил на разграбление того ценного, что можно было найти на ТЭЦ. На насилие и войну. На воровство в гипермаркетах. На драки за теплую одежду. А когда установилась новая средневековая недогосударственность, уже не было ни следа инфраструктуры, которую можно было бы восстановить. Да и как? Все технологии оказались завязаны на то же электричество! А произвести новые человек бездействующий не может. *Google* разучил! Ну и по заслугам нам! Мы должны были так кончить: в холодных берлогах и с фальшивым хлебом. И нет, я не ударился в мистику. Это полностью рациональный финал.

Он, немного комичный в своей торжественности, сделал

глоток из кружки. Я дипломатично глотнул из своей и выдал:

– Ну и пессимист ты, брат!

– А главное! – Он отставил свой напиток и похлопал ладонью по столу. – Главное! Вот смотри. Если температура повсюду застыла на той точке, в которой была в момент наступления Ночи, так это значит, что на юге будет значительно комфортнее. Не надо переться аж в Турцию. Даже в Бресте – помнишь такой город? – зимы были ну совсем не такие гадкие, как тут. В ноябре – пять тепла. Снега почти нет. Никто в квартирах насмерть не замерзает. Вывод: надо идти на юг! Бросать весь этот – нет, не комфортный, а просто пригодный для поганой собачьей жизни город, собираться вместе и валить! Но никто так не делает! Потому что страшно! Потому что за стеной негры! Козлоногие! Там же андрофаги с амазонками рубятся, черт их дери всех. Там же край земли, еще свалишься! Мы до сих пор ждем, когда нам обратно включают *Google*, который объяснит, «как выжить после конца света». Говорю тебе, мы заслужили то, что имеем. Я не удивлюсь, если где-то в этот самый момент небо голубое и солнце всю сияет. Потому что не бывает так, чтобы не оставалось никакого выхода для тех, кто идет вперед и у кого есть силы и характер бороться. Но мы – не такие. Мы обречены.

Почти сразу после этого он спросил, есть ли у меня Юкио Мисима, и я выдал ему сборник «Исповедь Маски». Серия «Азбука-классика», мягкая обложка, двести страниц. Я пом-

ню, что перед тем, как встать и попрощаться, он внимательно посмотрел на забытый мной на столе кусок бумаги со списком, подготовленным после разговора с Шахтером. Если бы Рейтан спросил, что это, я бы не стал скрывать. Рассказал бы про свой план выйти из Грушевки. Скорее всего, мы бы пошли втроем: я, он и Герда. Мы бы прошли через все приключения, которые ждали нас впереди, вместе. Мы бы шутили, когда нам было бы страшно, и подбадривали друг друга, когда становилось бы трудно. Главное: его трагедию можно было бы предотвратить.

Почему он не спросил? Потому что по-немецки уважал личное пространство. Рейтан – он и есть Рейтан.

Почему я не рассказал про свои планы сам? Потому что собирался покинуть Грушевку совсем не оттого, что искал тепла и комфорта.

Раздел третий

Гацак еще только-только простучал свою рейку в восьмой раз, когда входной звонок брякнул. Я удивился: обычно страсть к литературе начинает обуревать моих клиентов только во второй половине черного дня. Первую половину они тратят на попытки заработать цинк, которым можно было бы оплатить страсть к изящной словесности. А тут кто-то будто ждал наступления утра прямо перед подъездом. Я открыл.

Сначала вошел аромат – старомодный и изысканный (сейчас таких духов уже не делают), тропический и немного душно-сладкий. И только за ароматом – женщина. Вошла, обстреляла взглядом гостиную с таким же профессионализмом, что и Шахтер, сделала неуловимое движение вглубь, в сторону спальни, но я с печально-извиняющимся лицом дернул плечом: мол, там я не принимаю.

Она считала этот знак очень точно и уселась на табурет. Выбеленные волосы. Одета богато, но немного более ярко, чем это принято в Грушевке. Отличительной особенностью одежды было и то, что все ее составляющие очень легко, буквально одним движением, снимались. Вот и сейчас. Усевшись, она провела пальцами от шеи до живота, и ее шубейка расстегнулась, из-под нее выглянул меховой воротник, под которым мелькнула оголенная ключица.

Все это происходило в молчании. Я ждал, когда она назовет себя, она ждала момента, чтобы назвать себя наиболее эффектно.

Отдельно нужно сказать про Герду. Собаченция наблюдала за гостьей с внимательным и чуть-чуть ироничным выражением на морде. Никакого презрения. Никакой агрессии. Значит, можно не напрягаться.

Моя визитерша была немолода. Моя визитерша была очень красива. Как описать ее красоту? Был в моей жизни эпизод, когда я должен был одну за другой проглатывать книги современной белорусской прозы, поскольку подрядился срочно собрать коллекцию для одного очень серьезного заказчика. В этих книжках я все время натыкался на эротические сцены. Литераторы, перебивая друг друга, нахваливали внешние данные женщин, на которых собирались залезть их герои. На второй дюжине сборников и романов описание женской красоты слилось в моей голове в гудящий улей. Прилагательные повторялись из текста в текст, губы, груди, икры склеились в один большой эролаш. Современная проза гудела ровно и нейтрально, как двигатель автобуса, который везет американских детей в школу. И вот, чтобы отдохнуть от титок и простыней, я открыл классическое произведение прошлого века – «Колосья под серпом твоим» Владимира Короткевича.

И на первой же странице впился глазами в настолько красноречивое описание красоты, что все прочитанное до этого

померкло. Правда, мастер описывал не женщину. А дерево. Грушу в цвету.

«Эта груша цвела последний год.

Все ветви ее до последнего прутика были усыпаны пышным бело-розовым цветом. Она кипела, млела, утопала в роскоши пчелиного звона. И была она так могуча и свежа, так неистово спорили в ее розовом рое пчелы, что, казалось, не будет ей извода и не будет конца. И все же приближались ее последние дни».

– Я – Кассандра, – наконец с большим достоинством произнесла женщина. – До вчерашнего дня я была невольницей на Кальварии. Но ваш Бургомистр подарил мне свободу.

Я не знал, что на это ответить. Любая реплика тут была бы не очень приличной. Даже «добро пожаловать».

– Он добрый человек, этот ваш Бургомистр, – проговорила она, держа голову прямо и глядя прямо перед собой. – Добрый, но наивный. Он предложил мне заняться любой работой, которая мне по душе. Когда я объяснила, какая мне по душе работа, Бургомистр сказал, что не может меня оставить в своем доме. Потому что он женат, а в вашем государстве это не позволяет мужчине содержать таких, как я. Это считается неприемлемым. Так он меня уверял. И вот я не знаю: то ли это действительно так, то ли просто я ему не понравилась?

Тут она всем телом повернулась ко мне, направив прицел своего взгляда мне в лицо.

– Да-да, так и есть, – залепетал я, чувствуя, что краснею. – В смысле, не то что вы не понравились Бургомистру. Нет, нет! Вы очень красивы! – Уши у меня так горели, что в них начала пульсировать кровь. Особенно ощущалось это в тех желобках, которых идут по краешку ушных раковин. – Просто у нас действительно женщин не принято... – Я стал мучительно подбирать слово, и вчерашняя встреча с Жижеком подсказала: – Не принято эксплуатировать! Тут женщина сама выбирает, кого. В смысле, с кем. Не объективируется.

Я запутался и замолк. Герда аппетитно, медленно зевнула. Чувствовалось, что она бы объяснила выразительней и лаконичней, чем я. Но я – не Герда, мне не хватает ее цинизма, ироничности и ума.

– Женщин тут не принято эксплуатировать. – Кассандра повторила это слово с моей интонацией. – Но женщин тут принято обижать. Когда я спросила у Бургомистра, какие еще варианты могут найтись для свободной Кассандры, он посоветовал мне пойти работать на рынок. А после того, как я рассмеялась ему в лицо, добавил, что на южной границе муниципалитет в частных домах под стеной крестьяне разводят свиней и кур и что там могут пригодиться мои руки...

Я снова не знал, что ответить, и потому промолчал.

– Вы представляете? В свинарник! Куриное говно убирать! Это что, приличное предложение? – Мое молчание начинало ее беспокоить. Она спрянула маску оскорбленной Нефертити (версия для провинциального театра) и спроси-

ла с человеческой интонацией: – Как вы тут вообще живете? Вот что у вас тут за свобода?

– Это не у нас тут свобода. Это свобода как она есть, – выдавил я. – Тот, кто тебя потребляет, тебя и кормит. Если хозяина нет, приходится искать сухпак самому.

– Бургомистр сказал, что вы очень состоятельный человек.

Я про себя назвал лукавого главу Грушевки нехорошим словом.

– Состоятельный и одинокий, – продолжила Кассандра.

Она говорила это уже без театральных поз, жестикулировала естественно. Чувство неловкости между нами исчезло.

– Что одинокий – верно, – согласился я. – Сейчас живу один. С собакой. Ну а состоятельность – относительная. Десять цинков по тридцатому утреннему зову за коммуналку и безопасность Грушевки выплачиваю исправно.

Она сделала паузу, заглянула мне в глаза и произнесла почти по-дружески:

– А давай я буду твоей, одиночка? Давай я буду тебе помогать по дому, еду готовить, чай заваривать? Гулять с твоим псом? Давай я буду тебя любить? – Она считала выражение моего лица и попыталась поправить себя: – Тебя и твоих друзей. Ты будешь давать меня в долг, расплачиваться мной за услуги. Давай ты будешь мной владеть?

Пока я подбирал слова для ответа, она встала с табурета, сбросила растянутую шубейку и одним жестом скинула

меховой кафтан. Оголился бело-розовый цвет. Она кипела, млела в роскоши пчелиного звона, который звучал у меня в ушах.

– Я очень умелая, одиночка, – сказала это тонущее в белом цвету деревце. – Со мной не загрузишь.

– Извините, Кассандра, – ответил я, отводя глаза. – Вы очень красивая женщина. Но я принадлежу другой. Я ее люблю и...

– И где она? Та другая? – спросил шелест цветов.

– Сейчас ее тут нет. – Я осип.

Герда помогла мне, долго и жалостливо заскулив. Вот уж не знаю, по кому она скулила, по мне или по моей визитерше. Но это помогло: я усталился на Герду и строго выдал:

– Прикройтесь, пожалуйста.

Я не знал, что сказать Кассандре, чтобы она поскорей ушла. Предложение уйти прочь – не самое лучшее, что можно сказать женщине, которую уже однажды отвергли. У нее могло сложиться впечатление, что свобода – это когда мужчины все время говорят тебе «нет». Мне помог дверной звончок, который снова звякнул, – что сегодня за странное утро! Я услышал звук застегиваемой молнии и осторожно повернулся к Кассандре. Она стояла уже полностью одетая. Мне было перед ней неловко, и я искренне попросил:

– Пожалуйста, не обижайтесь. У меня есть идея. Скоро для вас найдется приличная и хорошо оплачиваемая работа. Подождите немного. У вас деньги есть? На первое время я

вам помогу.

Кассандра фыркнула.

Дверь открылась, и на пороге я увидел Кочегара из Котельной. И чего, интересно, он притащился? Неужели Шахтер ему рассказал про мой интерес к карте?

Кассандра вышла не попрощавшись. Кочегар проводил ее оценивающим взглядом, причем (судя по выражению его лица) будто бы взвесил ее, как бревно, на предмет того, сколько градусов тепла и джоулей энергии можно получить путем помещения немногочисленных килограммов Кассандры в топку. Потом он исподлобья мне кивнул. Он был весь закопченный и присыпанный угольной пылью. Только глаза выделялись на лице двумя нехорошими белыми пятнами. При этом очень легко одет – черная футболка и легкая кожаная куртка нараспашку. Как будто он выскочил из преисподней и никак не мог остыть.

– Немец, Рейтан. Твой знакомый? – спросил Кочегар, рассматривая Герду.

– Да, мой. Хороший друг. Еще со светлых времен. А что случилось?

– У него больше никого не было. Собирайся, пойдем. Положено. По процедуре.

Он кинул мне сложенную в четверть газету. Я развернул ее. На самом заметном месте была картинка: мужская фигура, застывшая на земле в неестественной позе. И черное пятно, расплывшееся под ней. На Рейтана даже близко не

похоже. Короткий текст рядом сообщал:

«Постоянный резидент муниципалитет Грушевка Рейтан (известный также как “Немец” и “Физик”) был найден сегодня утром в неживом состоянии патрулем народной милиции под руководством бригадного командира тов. Маньки. По словам официальных лиц, смерть наступила в результате выпадения Рейтана с одного из последних этажей недостроенного небоскреба на южной границе муниципалитет Грушевка с дальнейшим столкновением тела с поверхностью асфальта на большой вертикальной скорости. В результате чего Рейтан получил многочисленные травмы внутренних органов, не совместимые с дальнейшей жизнью, и скончался. Следов борьбы, кроме вызванных асфальтом, на теле не выявлено.

На теле найдена посмертная записка, из содержания которой можно сделать вывод, что трагедия произошла благодаря суициду, вызванному нестабильным психологическим состоянием (безумие). По свидетельствам соседей, Рейтан в последнее время страдал депрессией, имел финансовые сложности, а также заблаговременно отнес весь запас своих дров и продуктовые запасы старикам, которые жили в соседнем доме. Криминального разбирательства по факту происшествия возбуждать не планируется. Прощание с Рейтаном состоится сегодня в десять часов в зале прощальных торжеств муниципальной Котельной, после чего, в соответствии с традицией и установленной практикой, тело будет предано

огню для обогрева живых».

Потом мы с Кочегаром молча шли через темные дворы, и у меня было странное ощущение в голове, и, только когда мы дошли, я понял, что не надел шапку и сильно замерз. Тут я запаниковал и спросил, где моя собака, и Кочегар сказал, что я запер Герду в квартире и что она гавкнула пару раз из-за дверей и успокоилась. В Котельной было душно. Похоже, это было единственное по-настоящему жаркое место во всей муниципалии. Большинство собравшихся тут людей выглядело как случайные прохожие, привлеченные чужим горем, о котором они прочитали в газете. Стояла пожилая пара, оба плакали. Стояла профессиональная плакальщица, завсегда-тай траурных церемоний. Она находилась в той стадии, когда ей уже не плакалось в полную силу, поскольку она начала понимать, что платежеспособных близких на прощальной церемонии не наблюдается (я успокоил ее, выдав цинк, и она начала плакать в голос, очень профессионально).

Люди стояли вокруг большого жестяного подноса, привинченного к прикрытому жерлу топки. Сцена освещалась отблесками, проникающими сквозь щели люка, и их было достаточно – настолько жадное и яркое искусственное солнце билось в печи. На листе жести лежал плоский предмет, страшная неподвижность которого не позволяла назвать его человеком даже в прошедшем времени. Я приблизился, кто-то пробормотал «его друг», и люди расступились. Останки были накрыты черной тряпкой. Это был Рейтан, которого

за то время, пока Грушевка спала, кто-то изваял из желтого песчаника: каменный лоб, каменные виски, каменные глаза, один – полуоткрытый.

В этот момент Кочегар открыл соседний люк и начал подкидывать уголь во второй котел. Помещение осветилось дрожащим адским пламенем, на моем лице проступила влага, я вытер ее рукавом. От топки шли волны горячего воздуха, искры проносились через темноту звездами и гасли на полу, угольных кучах, каменном Рейтане. Глазам стало больно от яркого света, а жар заставил всех присутствующих расстегнуть пальто и развязать обмотки и шали. Скоро Кочегар закрыл люк и оперся на лопату, чтобы отдышаться. Я подошел к нему и не нашел ничего лучшего, чем спросить:

– Мне Шахтер сказал, что у вас есть карта. Что вы когда-то получили старую карту с ориентирами нового мира. Я собираюсь отсюда уйти. Вы не могли бы продать мне ту карту? Я понимаю, что она стоит больших денег. Назовите цену.

– Пойдем, – коротко приказал он, положив лопату на горку угля.

Немного поодаль от скорбящих и зевак стояли три фигуры с пистолетами в кобурах. Когда мы к ним приблизились, они повернулись в нашу сторону.

– Товарищ Манька, дравия джелаю! – гаркнул Котельщик, по-блатному приложил руку к виску в армейском приветствии. Он вытянул свою приземистую фигуру в подобии стойки смирно. – Привел! – Он кивнул на меня.

Один из трех, лысый, одетый в черную униформу, всмотрелся в мое лицо.

– Кто этот молодой человек? – спросил вожак про меня.

– Книжник.

– Вам знаком тот молодой человек? – Он кивнул в сторону жестяного подноса, на котором лежали останки Рейтана. Рейтан был старше того, кто только что назвал его «молодым человеком», лет на двадцать.

– Да, это мой друг. Был моим другом.

– Назовите его имя.

– Рейтан. Также известен как Немец или Физик.

– Когда вы с ним виделись в последний раз? – Глаза лысого сверлили меня, заставляя тщательно подбирать слова. Как будто я говорил неправду и одно лишнее слово могло выдать вранье.

– Вчера. Мы пили кофе.

– О чем разговаривали?

– Про Ночь. Про невроз. Про форму Земли.

– Форму Земли! Очевидно, звезданулся! – обратился к Маньке один из его подопечных.

– А что, возникли сомнения о причинах происшествия? – задал я стандартный вопрос из фильмов из прошлого. – Вы думаете, это может быть убийство?

– Сомнений нет, это все формальности. По регламенту неточности должны быть уточнены до траурной церемонии. – Манька почесал щетину на челюсти. – Просто ваш

друг оставил достаточно странную посмертную записку.

– Странней некуда! – подхватил его подчиненный.

– Записка вызвала сомнения в ясности его сознания. Случаи безумия мы должны фиксировать отдельно. В целях карантинной безопасности.

– И что там говорилось? – спросил я.

– Что если законы физики больше не действуют, он, оттолкнувшись, должен полететь за горизонт, как птица.

– Мы же с вами стоим, а не летаем, – не унимался подчиненный. – Вот смотрите, я что, вот прямо полечу? – Он сделал несколько взмахов руками, имитируя полет. Его амуниция при этом оглушительно гроыхала.

– Так как вы думаете, был ли ваш друг Рейтан сумасшедшим? – уставился на меня Манька.

Я колебался недолго. Безумцы перед смертью не раздают свои запасы тем, кому они больше нужны. Или раздают? С другой стороны, Мисима. Он попросил Мисиму.

– Нет. Я уверен в том, что Рейтана сгубило одиночество и неустроенность.

– Хорошо. – Манька быстро кивнул. – Приступаем к процедуре! – крикнул он.

Но Кочегара в зале не было.

– Начинаем, я сказал! – скомандовал Манька громче.

Кочегар показался из-за черной дверцы, спрятавшейся у одного из котлов, – наверное, там было его жилище. Он распахнул топку, раздражил пламя несколькими полными

лопатами черного аппетайзера и оглядел присутствующих, ожидая, что кто-то что-то скажет.

Все же было что-то притягательное в старинной традиции, когда на траурной церемонии выступали священники или приглашенные поп-звезды. Но Грушевка – секулярное государство, религия тут – на птичьих правах, а последняя поп-звезда устроилась продавать свиные уши на рынке еще тогда, когда ее узнавали на улице. Единственные профессионалы, которые подвизались на похоронах, – бабульки-плакальщицы. Поэтому прощание прошло в тишине, под хлопанье носов.

Все, что я мог сказать моему другу Немцу, я уже не сказал вчера, когда действительно стоило это сделать.

Кочегар рванул рычаг, находившийся под жестяной пластиной, та встала на попа, и Рейтан соскользнул в пламя. Лязгнул люк, повернулась стальная защелка, в зале снова стало почти темно. Люди начали расходиться. Бригада Маньки ушла еще раньше. Мы остались с Кочегаром один на один. Создание из преисподней подошло ко мне, стало рядом. Растерло по лицу угольную пыль.

Каждый раз, когда он так делал, на его лице проступали новые черты. Конфигурация черных пятен и просветов кожи менялась. Сейчас он выглядел почти добрым. Глаза – единственное, что не менялось от этих прикосновений. И именно они сейчас излучали что-то человеческое.

– Записку ту он в кулаке держал, – сказал Кочегар. – Ту,

что Манька конфисковал. А вот это в кармане было. От удара оно немного в него вошло. Пришлось от тела отделять. Ты не подумай, что я по карманам у покойников перед сожжением шарю. То есть я шарю, но это же что? Разве плохо? Живым нужно, мертвым – нет.

Я промолчал.

– Так вот, эта штукенция, кажется, тебе предназначалась.

Кочегар протянул мне небольшой жестяной предмет. Он был в корке запекшейся крови. Я взял его в руки и узнал герметичную баночку из-под гуталина, которую уже видел вчера.

– Что там? – спросил я. – Кофе?

– Какой кофе, дурак! Записка! Тебе!

Я покрутил крышку, пальцы проскальзывали по влажному металлу. Наконец мне удалось ухватиться как следует, и тайник открылся. Там была бумажка. На ней два слова. Первое: Книжнику. Второе: Геродот. Я задумался, что может значить этот «Геродот», и вспомнил вчерашний разговор про газетные новости, о том, что они Рейтану напоминают что-то прочитанное раньше. Я уже собирался выйти из котельной, как Кочегар меня окликнул.

– Коробочку оставь! – приказал он, протянув ладонь.

Я отдал ему гуталинницу.

– А вот это – тебе. – Он протянул сложенный во много раз лист плотной бумаги.

Развернув его, я сразу увидел слова «Карта Белорусской

Советской Социалистической Республики» и только потом разобрал очертания дорог, салатовые лесные пространства, голубые пятна озер, похожий на игрушечный лабиринт (загони шарик в центр) Минск в середине. Бумага во многих местах была испещрена рисунками, аббревиатурами и надписями.

– Цинка не надо. Отдаю бесплатно. Тебе это нужно. Мне – нет. Все как с мертвыми и живыми. Счастливого пути.

Я вышел на улицу. И мне не было холодно. Прогретое преисподней тело чувствовало себя на вечном белорусском «околоноля» так, как когда-то, когда мы жили в теплых домах, ели сытную пищу и потребляли ультрафиолет. Открыв подъезд, я услышал, как Герда здоровается со мной лаем – она всегда слышит мои шаги внизу. Когда мы расстаемся на несколько часов, с нее слетает вся язвительность и ирония, она становится просто преданной своему хозяину собакой, которая очень рада его видеть. Сейчас вот ее хвостик мел из стороны в сторону, как будто она была обычной дворнягой, а не черной благородной овчаркоподобной дворнягой, которая несколько часов назад свысока подтрунивала над Кассандрой.

Я почесал у нее за ухом так, как вчера это делал Рейтан. Она проскулила, будто поняла, что произошло с человеком, который умел так деликатно ее приласкать. Потом я взял стремянку, залез на антресоль и выудил оттуда запыленный девяностолитровый рюкзак. Черный, с толстыми

лапами шлеек и вороненой пряжкой поясной застёжки. Надежный, водонепроницаемый, он за свою жизнь видел больше стран, чем среднестатистический житель Грушевки. Когда-то в этом рюкзаке я носил наши общие с ней вещи. Ей будет приятно его узнать, когда мы наконец встретимся.

Я углубился в библиотеку и после долгих поисков все же нашел то, что искал. «Геродот. История в десяти книгах». Серия «Памятники исторической мысли» Академии наук СССР. Капитальная твердая обложка с музой на фасаде. Обложку мне сразу же захотелось отодрать – путешественник во мне уже начал побеждать хранителя книг. Твердая обложка слишком много весит и создает неудобства при упаковке. Но я пожалел Геродота, бережно поместив его на самое дно моего рюкзака.

Затем с трудом достал два тяжелых поддона цинка из моего сейфа, бывшего морозильника. Золотовалютные резервы не поместились даже на столе, часть пришлось пересчитывать на полу. Четыре тысячи шестьсот единиц. До черта! Этого бы хватило, чтобы платить за жилье в Грушевке на протяжении тридцати восьми лет (если бы годы еще существовали).

Но тут предсказуемо напомнило о себе одно заметное преимущество бумажных денег перед посткапиталистическими.

Я ссыпал батарейки в рюкзак и попробовал оторвать его от пола. У меня ничего не получилось. Жалобно захрустели

швы, и я понял, что днище рюкзака сейчас отделится вместе с ценным, но таким тяжелым содержимым. Я затащил рюкзак на механические весы, с помощью которых следил за своей формой в ту эпоху, когда основной проблемой человечества был набор, а не потеря веса. Посмотрел, где остановилась стрелка, и охнул – восемьдесят килограммов. Вздохнув, я стал терпеливо выгружать цинк из рюкзака, пока стрелка на весах не передвинулась на отметку 35 кг. Аккуратно поднял рюкзак на плечи. С непривычки кожа под шлейками заныла, в спину вгрызлась боль. Сделал несколько шагов. Терпимо. Двигаться можно. Первые дни, пока не привыкну, будет тяжело, но потом наберу темп и перестану обращать внимание на то, что на спине висит половина моего собственного веса.

Я забросил в рюкзак виски из сейфа (бесценные две трети настоящего *Teacher's*, которым можно рассчитаться за что-то сверхценное, когда кончится цинк), гречку, соль и сахар в герметичных пакетах, напихал свитеров и шерстяных носков, чтобы греться, если в какую-то из ночей не смогу найти дров для костра. Добавил арктический спальник, про который когда-то говорили, что в нем можно комфортно спать на снегу при минус десяти.

Сорок пять кило оставшегося никель-металл-гидрита – смеси более ценной в нашем темном мире, чем золото с платиной вместе взятые, – я высыпал в большую клетчатую сумку и поставил ее на санки.

– Собирайся, Гердочка! Выйдем, доброе дело сделаем, – предложил я собаке, как будто ей нужно было долго подкрашивать перед выходом глаза, губы и когти.

Конфета! Я захватил конфету, и через три минуты мы уже стояли внизу. Еще через минуту я собирал никель, который разлетелся из лопнувшей сумки по всему двору и мучительно думал, стоит ли зажигать фонарик. По старым понятиям сцена выглядела так, как если бы кто-нибудь рассыпал по снегу толстые пачки банкнот, а потом шарил в темноте, пытаясь их собрать.

Путь до майората мы проделали так: Гердочка волокла санки, а я придерживал разодранную сумку. Если бы кто-нибудь надумал организовать погоню, он мог бы найти нас по батарейкам, выпадавшим из нашего возка, как хлебные крошки в гриммовской сказке про Гензеля и Гретель. Свободных рук, чтобы их подбирать, у меня не было. Выражение Гердиной морды напоминало о бурлаке с картины Репина, который уже даже не идет, а висит на бечеве. Глаза ее наполняла такая же жажда классового милосердия со стороны угнетателей, то есть меня.

– Ну потерпи, девочка моя! – стонал я, но собака с достоинством отворачивала морду.

Чувствовалось, что в ее черной книжечке, куда она заносит все злоупотребления хозяина и планы возможной мести за них, появилась новая запись.

Рабочая резиденция Бургомистра находилась на втором

этаже бывшего кардиологического центра, и это было закономерно, ведь Бургомистр слыл у нас человеком сердечным. Раньше он принимал прямо в своем жилом доме, расположенном под колокольней, на пригорке, с которого поверх пограничной стены открывался живописный вид на черные силуэты далеких многоэтажек Пушкинского княжества. Но толпы беженцев и лиц, просивших вид на жительство в муниципалии, скоро перестали уместаться не только в приемном покое имения Бургомистра, но и у него во дворе. Приемную перенесли в просторный и относительно теплый кардиологический центр, чтобы хотя бы частично компенсировать неизбежность отказа большинству искателей счастья: Грушевка принимала только самых состоятельных. В студенческом Пушкинском княжестве за десять цинков коммуналки можно было жить год, пусть и без тепла в батареях.

Наше появление в людной приемной фурора не вызвало. Огромный бомбила в татуировках объявил, что нам нужно занять место в «электронной очереди» и что место это будет двести семьдесят шестое. Он даже выдал нам бумажку с накорябанными цифрами. Подумав сперва, что он – двести семьдесят пятый, я серьезно ошибся: вскоре бомбила предложил нам продать девяносто первую позицию всего за два цинка. Я понял, что мужик и был этой самой очередью, произвольно решая, кто за кем идет и на каком основании.

Вспомнив вечную отговорку для таких случаев «я только спросить» и используя баржу санок в качестве тарана, я про-

дрался к дверям нашего верховноглавнейшего и втиснулся внутрь. Тут был еще один барьер – секретарша Магдалена, для которой у меня был припасен специальный волшебный прием.

Она только успела раскрыть рот, чтобы сообщить, что Бургомистр занят и мне следует дождаться своей очереди, как я выудил из кармана конфету – ту самую конфету, которую купил на рынке по цинку за две дюжины, и подсел к мегере.

– Приветствую ясновельможную панну Магдалену! Мне необходимо коротенько заглянуть к Бургомистру с меценатскими целями! – Я погремел сумкой с цинком.

– Если с меценатскими, то можно, – сердечно сказала она, принимая конфету.

Как все-таки просто сломать систему, основанную на сочетании чахлой демократической поросли и бетонной номенклатурной традиции тех времен, когда была создана карта Кочегара! Герда изобразила на морде брезгливость к моей пронырливости: она бы стояла в очереди до самого рассвета.

Кабинет Бургомистра освещался сразу восемью большими (на четыре батарейки) фонарями, расставленными по углам. Как и всегда во время посещений, мне пришлось прищуриться от сияния славы грушевской системы государственного управления. Из глаз брызнули слезы. Бургомистр встретил меня в дверях – он только что отказал очередному искателю гражданства. Лицо его выражало ритуальную пе-

чаль.

– А, Книжник! – сказал он с пасторской интонацией.

Если дать ему развить этот эффект, он начнет читать проповедь о том, что демократия в первую очередь означает ценностное равенство (под ценностями он понимал цинк).

Я пропустил собаку вперед, она по-приятельски обнюхала Бургомистра, разрушая символический барьер между нами. Как можно робеть перед обладателем восьми зажженных четырехцинковых фонарей, которого только что обнюхала твоя собака?

– У меня к вам небольшое дело. – Я подтянул драную сумку с цинком к ногам Бургомистра. – Тут сорок с лишним килограммов денег. Хотел бы пожертвовать на нужды города. Может, это поможет переселенцам.

– А сам что? – Он вынул одну батарейку и внимательно осмотрел ее, покручивая в своих толстеньких пальчиках.

– А сам пришел просить права выйти из города.

– Это как? – Бургомистр уставился на меня. – У нас такого не просят. У нас обычно просят наоборот.

– Мне нужно на юг. Критическая необходимость.

Бургомистр посмотрел на меня, подошел к столу, еще раз посмотрел на меня, обошел стол вокруг, остановился, сел и снова уставился на меня. Почесал лысоватую голову с вылупленными умными глазами. Хмыкнул. Покачал головой и спросил:

– Что, в скифы податься решил?

– Скифы на конях путешествуют, господин Бургомистр, – смиренно ответил я, впериw взгляд в пол. – А у меня коня нет. Только собака.

Герда радостно гавкнула, умница. Бургомистр вздрогнул от неожиданности.

– Парень, объяснись! Ты же уважаемый гражданин. Деньги, доход. Библиотека. Я как-то пока не нашел времени к тебе заглянуть. Государственные дела. Но, может, и пришел бы за книгой. Такой, не слишком мудреной, чтобы голову не поломать.

– А что тут объяснять? Живу один. Должен уйти.

– К амазонкам пойдешь? Девку себе искать?

– Есть уже девушка, – так же покорно ответил я, не поднимая глаз.

– Ой, ну вот не начинай! – Дело в том, что мы уже однажды с Бургомистром на эту тему разговаривали. Он считает, что благопристойный бюргер должен жить с пышнотелой женой и плодиться здесь и сейчас. А любовь – это чувство, которое после кружки меда чувствуешь к пиханной пальцем колбасе. – Не начинай, слышишь? Я тебя нормальной женщине порекомендовал. На все готовой! И что ты с ней сделал?

– Как раз Кассандры касается вторая часть моего предложения. Я оставляю деньги. И оставлю библиотеку. Городу. Можете сделать ее бесплатной для всех.

– Ага, щас! – выкрикнул Бургомистр. – Уже одну бесплатную разграбили!

– Оставлю безвозмездно. Более того, еще и деньги вам даю. С одной просьбой. Пусть администраторшей библиотеки станет Кассандра. Ей работа нужна. Она неглупа, быстро изучит фонды.

Вид у Бургомистра был такой свирепый, будто он хотел плюнуть на пол, но понимал, что плевок все же придется отмывать (секретарша Магдалена к такой работе была точно не приспособлена из-за античного склада характера).

– Кассандра?! – Он крикнул еще громче: – Кассандра?!
Сообщаю, молодой человек, что женщина по имени Кассандра сегодня с продуктовым обозом вернулась в Народную диктатуру Кальварию. Скорее всего, чтобы снова стать там невольницей.

– Как вернулась? – Я плюхнулся на стул, стоящий около стола, хотя Бургомистр мне этого не предлагал. – Вы же подарили ей гражданство!

– Вольные граждане получают роскошь самостоятельно решать, что делать со своей жизнью. Пожертвовать свободой и стать рабами – их полное право.

Я вспомнил, как кипело, млело и утопало в роскоши ее тело, на которое я не имел права даже смотреть. Мне хотелось сказать ей, что она сделала ошибку, что она не разобралась. Что свобода – это не страшно, что воля – лучше рабства. И что стоит лишь немного оглядеться, и она сама это поймет. Да только в нашем мире нет телефонов, по которым можно созвониться и объяснить.

Молча сняв с кольца ключ от своего почтового ящика, я положил его на стол:

– Я уйду завтра после утреннего звона. Ключи от квартиры и библиотеки оставлю в почтовом ящике.

Бургомистр посверлил меня взглядом, наверное, надеясь, что образовавшиеся дырки ослабят мою волю и заставят изменить решение. Взял лист бумаги, быстро написал на нем что-то, приложил печать и информировал:

– За ключами завтра пошлю! Книжника выберу из умных и достойных доверия. Ты свободен! Шею себе не сверни там, за стеной.

Я вышел на улицу, включил налобник и разобрал написанное Бургомистром:

«Идиоту, предъявителю данной бумаги, не оказывать никаких помех в однократном выходе в одну сторону из любых ворот Вольной муниципалии Грушевка». Должность, печать, всё.

По пути домой я зашел на рынок, купил консервов для Герды. Свернул к рядам с металлическим ломом и механическими приборами, которые еще имелся какой-то смысл продавать. «Есть у вас в наличии компас?» – спросил в одном, втором и третьем месте. В первом молодой продавец не знал даже, что это такое. В последнем направили к старому кавказцу, у него на прилавке были выставлены медные приспособления для помола круп, ступки, латунные гирьки для весов, серебряные канделябры и подобная дешевая чепуха.

– Компас? – рассмеялся торговец. Вопрос его развеселил. – Конечно есть! И не один!

Он склонился над эмалированным ведром, где хранился весь его ни на что не годный хлам, поковырялся в часах и компьютерных микросхемах и выложил на прилавок четыре устройства разных производителей и разной степени обшарпанности. Один, самый новый компас, показывал, что север находится справа. Стрелки двух других указывали в противоположные стороны – вверх и вниз. Последний, весь поцарапанный, надежный советский «Азимут», сообщил, что север – слева.

– Какой тебе? – Торговец удовлетворенно погладил свои усы.

Я разочарованно буркнул и собрался уже уходить, когда он сказал:

– Подожди, дорогой! Посмотри, фокус тебе покажу! – Он взял первый компас и крутанул его вокруг оси. Стрелка, опиравшись несколько раз, остановилась не справа, а сверху.

– Этот мир сошел с ума, – прокомментировал кавказец. – А если мир сошел с ума, то компас точно не поможет нащупать здравый смысл. Он не для этого предназначен.

По дороге домой думал, как определить, в каком направлении находится юг, если этого сейчас не знает даже компас. Дома взял лучший бытовой фонарь, зажег его на полную мощность, не жалея батареек, и разложил на столе карту. Столица Белорусской ССР, город-герой Минск, был рас-

черчен рукой шахтера на многочисленные фрагменты городов-государств. Самое большое из них, «Матриархат Зеленый Луг», было подписано без сокращений. Более мелкие, «Груш.» или «Пушк.», – сокращенно или аббревиатурами.

Места, которые Шахтер видел сам, он подписывал уверенно. Рядом с теми, про которые только слышал, ставил знак вопроса. Так, во всяком случае, я расшифровал его пунктуацию, не имея простых подсказок в «легенде» этой рукотворной карты. Из минских государств он не был только в Матриархате Зеленый Луг, что вполне объяснимо, учитывая то, что, по рассказам, делают с мужчинами в этом достаточно богатом полисе.

Масштаб карты не позволял обозначить названия хотя бы каких-то минских улиц, да и смысла в этом не было: сейчас они изменили свои имена в зависимости от ценностных предпочтений государств, возникших вокруг площадей и переулков. Овальчик Грушевки был прилеплен к магистрали, которая направлялась в город Дзержинск. Копошащееся в голове смутное воспоминание подсказало, что проспект, чьи огни когда-то проглядывали через тополя, назывался именно именем Дзержинского – могущественного колдуна, который когда-то помог заморозить на долгие годы огромную страну. Дзержинск был размещен на карте в юго-западном направлении, а мне желательно было двигаться в юго-восточном.

Я мог бы выйти на этот проспект через Ворота Зари и дви-

гаться к кольцевой, с нее свернуть в направлении заброшенного города, обозначенного как Гомель. Если, конечно, дороги сохранились в проходимом состоянии. Если их не пересекают государственные границы полисов. Если, если, если...

Я рассмотрел дороги более внимательно, проследив автостреды в южном направлении. Из Шахтеровых обозначений следовало, что границы заселения условного Минска сжались до пространства, ограниченного кольцевой, далее человеческие поселения и города-государства попадались с большими промежутками. Между тем перед наступлением Тьмы столица простиралась до самых Смолевичей, Радошковичей, Заславля. Большая зона вокруг минских полисов сейчас была подписана как «пустоши» и «лесо-пустоши». Там-сям был нарисован неуклюжий и совсем нестрашный волк.

Выходит, после катастрофы люди забросили удаленные от агломерации минских полисов жилища и перебрались внутрь кольца либо погибли.

Аж до самых Осиповичей при дороге в гомельском направлении не было ни одной подписанной жилой локации. Зато прямо под Минском была старательно нарисована трапеция, похожая на плоские вершины Колорадо. Рядом стояло непонятное обозначение «Царь Горы».

На уровне бывшего города Слуцка (рядом с ним не осталось ни одного современного государственного образования, где успел бы побывать – или хоть что-нибудь о нем услышать

– Шахтер) проходила двойная пунктирная линия. Она тянулась горизонтально через всю карту и ограничивала плоскость около пяти сантиметров вширь. «Область туманов» – было написано тут. Земли севернее Ошмян тоже были прорезаны относительно ровной горизонтальной линией. Весь север карты выше этой линии был достаточно плотно разрисован значками, похожими на дерево, у которого ветки растут только с одной стороны ствола. «Перья, стоящие в воздухе», отметила рука Шахтера. Рядом с этой надписью стоял многократно обведенный знак вопроса.

Под прошлыми «Брестом», «Пинском» и «Мозырем» были пририсованы стрелки, направленные вниз. Рядом с каждой имелось слово «скифы». Все три сопровождалось вопросительным знаком. Шахтер допускал, что скифы живут на юге от этих городов-призраков, но он не видел их своими глазами – так я это понял. На восток от Гомеля было написано «савроматы», тоже с вопросительным знаком. Слово «невры» попадалось на карте четыре раза, рядом с не существующими уже городами Несвиж, Могилев, Барановичи и Лида. И каждый раз – с вопросительными знаками. Я не понял, означает ли это, что невры водятся только тут или же что они заселяют все пространство, которое не контролируется скифами и савроматами.

Вообще-то, сейчас это не казалось самой большой проблемой. Я не до конца верил в обратное, и тот факт, что рядом с упоминанием всех неведомых существ на карте стояли

вопросительные знаки, только убеждал меня в том, что мир мог измениться не так сильно, как на том настаивала «Газета». Зато действительно насущным был вопрос, как ориентироваться в темноте по карте и без компаса.

Рассчитывать на помощь дорожных указателей не приходилось. На рынке в Грушевке легкий треугольный столик из знака «Уступи дорогу» шел по десять цинков: хорошая замена для деревянной мебели, сожженной еще на заре нашей темени.

Собираться в дорогу надо быстро. Это правило я усвоил, еще когда путешествовал в куда более благоприятные для путешествий времена. Собираться надо быстро, чтобы не успеть отменить уже принятые решения. Все, что ты можешь забыть, на самом деле тебе не нужно. Паспортом мне сейчас служила бумажка с печатью, в которой меня называли идиотом. Билетом – карта уже не существующего мира, поверх которой проступил мир, в чье существование не до конца верил даже тот, кто его картографировал.

Сны в ночь перед путешествием всегда пророческие. Когда отправляешься в неизведанное, ценность пророчеств возрастает, потому что какие загадки может таить будущее человека, если он ходит по одному и тому же маршруту? Я ложился спать с надеждой на сновидения.

Мне не повезло...

Я не смог заснуть до самого утреннего звона.

Тетрадь вторая

Раздел первый

За прошедшую жизнь я привык считать свою родину стылым, непригодным для жизни местом, скучать по которому можно разве что попав в пекло. Да и по чему тут тосковать? По уродливой заводской трубе? По рынку, где у тебя под ногами вечно чавкает грязь? По обшарпанным хрущобам? Сейчас, идя через муниципалию в последний раз, я отметил, как много тут прекрасного. Как я полюбил застывшие лужи, половина из которых уже обрела имена. Или сугробы снега, которые никогда не растают. Или черные деревья – конфигурация их ветвей отпечаталась в моей самости, будто линии на ладони. Главным же вместилищем родины внезапно объявили себя мои книги. Тоска по ним взяла за сердце почти сразу после выхода из квартиры.

У торговца медом я купил горячего чая в бумажном стаканчике. Свернув с проторенных тропинок, где нога знала каждую выбоину, включил налобник. Герда шла рядом с той эмоцией на морде, с какой дикторы в эру телевидения переходили к чтению сообщений, которые только что поступили в студию и не имеют режиссерских обозначений, и потому неясно, как их оценивать. Собака не понимала, что проис-

ходит, почему у хозяина огромный рюкзак за плечами, с какого перепуга от него несет неуверенностью и адреналином. И потому шла нейтральная и какая-то вся торжественная, словно бывшая девушка жениха на свадьбе. Мы углубились в тополиную рощицу, тянувшуюся вдоль стены. Когда-то при сильном ветре эти тополя скрипели, будто мачты огромного парусника. Теперь, когда ветер ушел вместе со светом, в рощице царила немая жуть.

Скоро я нашел разбитый тракт, ведущий к пограничному КПП; оттуда тянулось множество передвигающихся звездочек, туда – ни одной. Дорога упиралась в два огромных недостроенных небоскреба; узкий проход между ними называли Воротами Зари, обустроив там пограничный пункт.

Нас приняли тепло. Когда до ворот оставалось двадцать шагов и в световом пучке моего налобника стали видны два стационарных пулемета на распорках, солдат, что терся рядом с одним из них, встрепенулся, повернул дуло на нас и щелкнул затвором. Он визжал громко, срываясь на фальцет:

– Что там? Что за нах..? Стоять на месте! Оружие опустить! Руки вверх! Стоять, я сказал!

Одновременно с этим заревела механическая сирена и вспыхнул огромный галогеновый прожектор, мгновенно лишивший нас с собакой зрения.

– Стоять! Ни с места! Стреляю! Оружие прикладом вниз на землю! – визжал уже осипший от крика голос. Одновре-

менно откуда-то сзади раздавались более спокойные голоса.

– Что за шухер?

– Успокойся, мужик!

– Смотрите, что это там за хрень? – ответил им визгливый голос. – Вот там вот! Что за монстр черный? Пасть зубатая?

– Собаку не видел, идиот? – ответил ему бывалый. – Это ж наш Книжник. Со своей сучкой. Это собака.

– А чего он оружие не бросил? – не унимался нервный солдат.

Я решил осторожно поднять руку и прикрыть ею лицо: боль в глазах была нестерпимой даже при закрытых веках.

– Нету у меня никакого оружия! – крикнул я.

– Вот, видишь! – успокоил бывалый голос. И прокомментировал куда-то в сторону: – Набрали из Кальварии салаг! Собаку увидел – обоссался.

– Как нет оружия? А чего тогда сюда притянулся?

Я услышал металлический щелчок – солдат поставил пулемет на предохранитель.

Прожектор погас, сирена стихла. В свете моего налобника проступила ошарашенная морда Герды, вся в слезах из-за слепящего света.

– Я выхожу за стену, так как появились дела в пустошах. Есть разрешение на эмиграцию от Бургомистра. Предъявить?

– Проходи! – Силуэт бывалого отпихнул солдата от пулемета.

Сделав несколько неуверенных шагов, я приблизился к пограничной будке и узнал в бывалом Маньку.

Он внимательно осмотрел меня и добавил:

– Зря ты за стенку без ствола прешь. Купил бы хоть пугача какого. – Он подошел к боязливому солдату, бесцеремонно снял с него пояс с тяжелой пластиковой кобурой и вытянул здоровенный пистолет с длинным стволом.

– Советую взять хотя бы это, – сказал Манька. – «Стечкин», староват, но ресурс еще не выработан. С десяти метров в зверя попадешь даже ты. Десять миллиметров, в магазине двадцать патронов. С кобурой и четырьмя дополнительными магазинами – тридцать цинкачей. Если сейчас нет – отдашь, когда вернешься.

Я беспокойно посмотрел на оружие. Мысль о том, чтобы стрелять в какого-то «зверя», меня не привлекала. В конце концов, Герда тоже была зверем. Вся агрессия на свете возникает из-за недоразумений и неспособности договориться. Если у человека, выходящего в мир, есть приспособление для убийства, он превращается из путешественника в солдата. Больше мира на свете от этого вряд ли станет. Я собрался пройти пешком половину Земли, притом что карта у меня была только до бывшего Гомеля, а компаса не было вообще. Чтобы хоть чего-то достичь, имея такие планы, требуется большое везение. А везение – я был уверен в этом по опыту прошлых путешествий – напрямую зависит от твоих действий в дороге и настроя, в котором выходишь.

Поэтому я решительно отчеканил:

– Нет, не беру. Принципиально.

– Ну, тогда прощай, Книжник. «До свидания» не говорю, так как собираюсь еще пожить.

Двойные ворота, по верху которых шла двойная колючая проволока, медленно распахнулись. Я прошел через первую створку и оказался в узком коридоре, образованном глухими стенами домов. С той стороны тоже ждал солдат, на этот раз свой, грушевский, он Герду не испугался. Внимательно осмотрев меня, солдат молча приоткрыл вторую створку ворот, но щель была настолько узкой, чтобы я только-только смог протиснуться.

Снаружи клубилась толпа. Как только ворота приоткрылись, группа черных фигур зашевелилась и заревела. Мне навстречу бросилась дюжина желающих войти в Грушевку.

– Назад! – скомандовал солдат, но люди продолжали теснить друг друга, стремясь пройти первыми. – Назад! – крикнул он снова и вскинул винтовку.

Люди отступили, дав нам с Гердой выйти, а после снова насели на ворота. Здесь, в отличие от приемной Бургомистра, никакой очереди не было в принципе – только табор торговцев, искателей места жительства, бродяг, авантюристов, астрологов и других дикарей.

Эти люди так страстно хотели попасть туда, откуда я по своей воле вышел, что мне стало не по себе. Чем дальше от КПП, тем меньше становилось народа. Появлялись те, что

пришли с телегами и надеялись как-то провезти свой товар через обложенные толпой ворота. Наконец по раскатанной и протоптанной тысячами ног дороге я вышел к перекрестку. Широченное черное шоссе шло прямо, его пересекала дорога поуже. Тут же был самодельный указатель, сделанный из единственного бесполезного для согревания на холоде материала – огромного листа пластика. Стрелка налево была подписана «Королевство Центр». Стрелка прямо – «Институт Культуры».

Я поправил рюкзак и поковылял направо. У моего направления не было никакого названия. Чужих следов почти не попадалось. Дорога взобралась на эстакаду и после огромной развязки перешла в шестиполосную магистраль. То тут, то там встречались брошенные машины, которые навсегда остановились там, где их двигатели перестали поджигать бензин или дизель. На перекрестках, под светофорами, брошенных машин было больше.

Я шел по широкой проезжей части между их обледенелыми скелетами и думал о том, что, если солнце наконец взойдет и двигатели заработают, людям предстоит немало работы по уборке этого проржавелого лома с дорог. Хотя, если солнце наконец взойдет, это станет одной из самых незначительных проблем цивилизации, которая уже погибла и будет пытаться возродиться.

Перед глазами проходили знакомые очертания жилых многоэтажек, кинотеатров, «многофункциональных торго-

во-развлекательных центров» (вспомнил же название!). Память шептала названия: «Глобо», «Титан», «Берестье». Я свернул к одному из них. На первом этаже тут когда-то была кофейня, где я любил посидеть за необъятной чашкой капучино. Красные буквы на входе не облезли, двери уже кто-то вскрыл до меня. Внутри все осталось нетронутым: те же диванчики из искусственной кожи (натуральную уже бы всю ободрали), те же столики из толстого стекла. Однако холод и тьма делали место неузнаваемым – никакой ностальгии. Все мы любим не стены, не мебель, а знакомые лица официантов, запахи, интерьер и главное – свет. Тут всегда была такая уютная полутьма, можно было залипнуть в яблочнике часами.

Когда мы возвращались к проспекту, я заметил, что до того веселая и неугомонная Герда внезапно притихла и стала осторожной. Сделает несколько шагов, наострит уши и стоит, слушает. Она не лаяла, но была чем-то явно встревожена. Настроение собаки мгновенно передалось мне. Я начал ступать с пятки на носок, так получалось тише, хотя особой пользы это не принесло, меня выдавал фонарь. Я выключил налобник и сразу же снова включил. Без светового пучка темнота впереди казалась слишком жуткой. Внезапно справа вдалеке я заметил тридвигающиеся точки.

Они напоминали звездочки фонарей, но плыли слишком быстро для человека. Так быстро не могли двигаться даже бегуны. Все это происходило в полной тишине. Я не слышал ни вскриков, ни звуков речи. Это точно были не люди. Спину

продрало ознобом. Я вспомнил всех мифических созданий, описанных в «Газете». Герда уставилась в сторону точек и, кажется, даже дышать перестала. Я понял, что они двигаются прямо по тому проспекту, с которого мы с собакой только что сошли. Вот одна из звездочек повернула, явно огибая автомобиль, и следом за ней то же самое сделали остальные. И еще одна странная штука: точки ползли выше человеческого роста. Кем бы ни были эти существа, они были огромные и очень быстрые. Я представил себе трех невра – вот они, облизываясь, несутся с налобными фонарями на волчьих головах. Головах, до превращения бывших человеческими.

Мелькнула мысль, что оружие, в принципе, полезная вещь, если ты человек адекватный и в ход егопустишь только в самом крайнем случае. Я, не очень контролируя себя, начал пятиться назад. Герда молча следовала за мной, тоже не отворачивая голову от угрозы впереди.

И тут у меня внутри все сжалось: три веселые звездочки свернули с проспекта и понеслись прямо на нас. Я пытался разглядеть хоть что-то – клыки, разъявленные пасти, блеск глаз, но, как всегда в таких случаях, темнота вокруг источника света была только еще темней.

Когда они подбежали близко, очень близко, я положил руку Герде на загривок и почесал ее за ухом, подбадривая: погибать, так вместе. Примерно в этот же миг я услышал звуки: сосредоточенное сопение и мерное поскрипывание. Когда чудовища приблизились на расстояние большого прыж-

ка, у каждого из них открылось по второму, еще более яркому глазу. На уровне пояса. Нестерпимо-белый свет. Нечеловеческий, страшный. Оно высветило отвратительно тонкие скелеты, похожие на металл кости, какие-то жуткие спицы. У меня из груди невольно вырвался вскрик. И тут первый монстр заговорил приветливым человеческим голосом:

– О, а вы тут с песиком!

– Доброй ночи! – сказал второй голос запыхавшись.

– Приветствую, путник! – отозвался третий.

Луч моего фонаря упал на то, что шевелилось в темноте, и я чуть не засмеялся. Это были велосипеды. Сколько же времени я не видел этих приспособлений! По Грушевке на них рассекать не имеет смысла – муниципалитет слишком маленькая, все дистанции легко покрываются неспешным шагом.

– Вы откуда? – спросил велосипедист, стоявший ближе ко мне.

– Из Грушевки, иду на юг. – Язык слушался меня неохотно.

– Мы из Центра. Получили благословение короля на разведку территорий на юге! – пояснил тот.

– Мы рассудили, что чем дальше на юг, тем должно быть теплей, – бодро вступил третий.

– У нас же котельной нет, как у вас, счастливчиков! Экономии – никакой, торговли – никакой, уголь купить не на что. Сожгли все, что можно было сжечь. Королевский дворец стоит холодный. Топим досками разобранных полов и

балками перекрытий из сталинок.

– А мы с юности вместе на велосипедах. Всю Беларусь объехали! – подхватил новый голос. Они были такие позитивные, что даже обидно стало, что именно они меня на смерть перепугали. – И вот мы решили. Если дороги остались, надо посмотреть, что на юге делается.

– В разведку пошли! Король разрешил!

– Велоразведчики! – похвалился один из них (я уже запутался, кто говорит, столь одинаково бодрыми они казались).

– Рыскуны! – поправил третий. – Есть такое древнее слово для тех, кто идет вперед: рыскун!

– Напугали вы меня, рыскуны! – честно признался я.

– Так мы же безобидные! – начали на разные голоса уверять они. – Мы даже без оружия. Зачем нам оружие? – недоумевал первый.

– Вот и я считаю, зачем нам оружие? – подхватил второй.

– Мы же на великах, нас не догонишь! – засмеялся третий.

– Что странно, в ту сторону дорога вообще не протоптана.

А это юг! Нам всем надо двигать туда! Из наших снегов!

– А пса как зовут?

– А вы тоже без оружия?

– А почему вы не на велосипеде?

– А можно собаку погладить?

– Она не кусается?

Я не успевал отвечать на вопросы. Гердочка, испуганная их напором, отступила мне за спину и наблюдала за мелька-

нием световых пучков из-за моих ног. Из чего мы все сделали вывод, что собаку гладить нельзя и она очень даже кусается.

– У меня есть карта с обозначениями бывалого Шахтера, – сообщил я о самом главном. – Из нее следует, что все дороги еще проходимые. По проспекту выедете на кольцевую, это должна быть широченная шестиполоска с хорошим покрытием. Второй большой съезд с кольца направо ведет строго на юг. По крайней мере, юг был там, когда создавали карту.

– Он думает, у нас нет карты! – не без иронии воскликнул один из голосов. Говоривший направил налобный фонарь на руль велосипеда – к нему был прикреплен заламинированный атлас.

– Он думает, мы не знаем, как попасть на юг! – с той же интонацией откликнулся второй.

– Он не поверил, что мы когда-то объехали всю Беларусь вдоль и поперек! – обратился к остальным третий.

– Ну, хорошей дороги вам! Берегите себя! – оборвал я их гогот. Хотел пожелать им чего-нибудь доброго, например, «энергии вам и света», но понял, что они ответят примерно так: «Он думал, мы не взяли с собой энергетиков!», «Он не увидел, что на нас специально термобелье!»

– Мы должны сделать что-то хорошее человеку с собакой, – ослепил остальных первый световой пучок.

– Без велосипеда! – поддержал его второй, покачав пучком в воздухе.

– Ведь ЗОЖ – это не только тело, но еще и этика! – Третий сделал какое-то движение рукой, возможно, вытянул вперед кулак с отставленным большим пальцем. Но в темноте рассмотреть не удалось. – Мы должны помогать людям с собакой и без велосипеда.

– А что такое ЗОЖ?

– Здоровый образ жизни!

Я пожалел, что спросил. Главное, чтобы у них не оказалось складного четвертого велосипеда – а то придется осваивать этику ЗОЖ аж до поворота с кольцевой. Причем не исключено, что пятый сложенный маленький велосипедик у них припрятан для собак. И Герде тоже придется учиться жать на педали.

– Мы не едим мяса, – с достоинством сообщил первый голос.

Я хотел сказать, что я тоже не ем мяса, поскольку то, что продается в качестве мяса в нашем мире, им уже давно не является.

– У нас есть фалафель. Мы сами делаем, из бобовых.

– Хотите фалафель? – спросили они у меня.

– Его и собакам можно.

– У меня достаточно еды, – соврал я. На самом деле, поверив Шахтеру, я не взял ничего для себя – рюкзак и так был слишком тяжелым.

– Тогда что же мы сделаем?

– Для человека с собакой?

– И без велосипеда?

– Мне ничего не нужно, – честно сказал я им. – Я привык быть один и рассчитывать только на себя.

– Мы будем оставлять вам записки! С важной информацией! Которую будем постигать по дороге!

– И ХИС рядом, чтобы подсветить!

– Он не знает, что такое ХИС! – Кажется, они начали поправлять уже даже не друг друга, а сами себя, на разные голоса.

– ХИС – это химический источник света! – Один из них направил фонарик на пук похожих на лакричные палочки люминофоров, привязанных к раме.

– Хорошей вам дороги! – пожелал я еще раз.

Они вскочили в седла и на ходу, прощаясь, еще много раз поворачивали назад пучки своих фонарей. Я успел сильно замерзнуть, пока стоял и разговаривал с ними, и теперь с наслаждением разгонял кровь в теле, набирая пешеходную скорость. Как же хорошо думалось на ходу! Дома, над книгой, за письменным столом, мысли как будто были зажаты в какую-то обложку. Тут они разлетались в разные стороны, подхватывали и перебивали друг друга, прямо как эти велосипедисты.

Я смотрел на потемневший город под небом цвета черной с рыжими подпалинами коровы и думал: а ведь это логично, что все бывшие государства распались на маленькие феодальные княжества. Каким-то чудесным образом имен-

но свет – солнечный днем, электрический ночью – был той нитью, которая всех нас связывала в воображаемые сообщества. Когда трижды в день на пути домой видишь плакат «Заводской район города Минска приветствует вас», поневоле начинаешь считать себя гражданином этого «Заводского района» и мегаполиса под названием «Минск». Когда свет исчезает, когда слова превращаются в ничто, пропадают и топонимы, и сообщества. Остаются только холод, мрак и необходимость бороться за жизнь. В этом мире за жизнь проще всего бороться небольшими средневековыми королевствами, а не крупными современными государствами.

Я не чувствовал, что иду по «городу», – города не стало, когда погасли мачты освещения, когда померкли вывески магазинов и кофейен, когда исчезли отсветы частного комфорта в окнах человеческих муравейников. Города не стало, когда выключились драгоценные далекие жемчужины, раньше обозначавшие горизонт. Без рекламы, автомобильных фар, лампочек над входом в подъезды пространство превратилась в созданный человеком безобразный и постылый лес. С высокими плечами заброшенных темных небоскребов, с одинокими бетонными деревьями столбов, с асфальтовыми магистралями, которые напоминали русла пересохших рек.

Одно слово – пустоши.

Бог отделил свет от тьмы, а потом пришел человек и залил тьму светом. В итоге тьма все-таки пока побеждает.

Еще я подумал, что все эти «невры» и «края Земли» – такое же последствие, как и деурбанизация. Забери у человека свет, и он увидит невра, а не велосипедиста. Свет выключает фантазию. А фантазия в темноте часто работает на то, чтобы напугать посильнее.

После встречи с рыскунами мир снова казался мне безопасным и понятным. Как в Грушевке. Однако с ориентированием возникла неожиданная трудность: на карте проспект только один раз пересекался с широкой дорогой, и это была кольцевая, но на самом деле широченные магистрали уходили в сторону через каждые два-три километра. Я пытался опознать местность и не паниковать. Наверное, перед кольцевой жилых домов должно стать меньше, ведь кто хочет жить с автомобильным морем под окном?

Рассуждая так, я отметил, что во многих машинах на нашем пути отсутствовали колеса, и чем ближе я подходил к двум разделенным проспектом жилым комплексам, тем больше становилось «безногих» машин.

Я помню рекламу этих башен. Первая похожа на пирамиду, вторая вознеслась до облаков стоэтажным параллелепипедом. Они когда-то принадлежали одному застройщику и продавались под одним поэтичным названием, кажется, «Лисицкий и Малевич». Их возведение пришлось на пик уплотнительного бума, когда высотными домами для тех, кто считал себя богатыми, застраивались целые районы у метро. Теперь громадины на многие тысячи квартир устрем-

лялись к черным небесам мертвыми сгустками тьмы — ни огонька, ни движения. Через некоторые этажи пунктиром просвечивали рыжеватые небеса: там были большие квартиры на всю ширину дома, и панорамные окна позволяли увидеть и восход, и закат. Еще бы вспомнить, находились они до первой кольцевой или уже за ней.

Герда, что-то унюхав, пронеслась вперед и вернулась с таинственным выражением на морде, мол, сейчас сам все увидишь.

Машины вдоль проспекта стояли уже не просто без колес, но и без дверей, без капотов, без багажников. Кое-где в поисках дешевого металла с них отвинтили даже крылья.

Баррикады были абсолютно черными, в два человеческих роста. Материал, из которого их сложили, выглядел как мягкий кирпич, который лоснился в свете налобника. В нескольких местах наблюдались сильные, аж до ржавой проволоки, прогалины. Я не сразу понял, что эти сооружения вдоль домов построены из автомобильных колес. Асфальт между ними был обугленный, с подпалинами взрывов, заброшенный крупными кусками стекла, самодельными снарядами и огромными камнями.

Пулевых отметин в резине баррикад виднелось немного: похоже, настоящего оружия у тех, кто тут столкнулся, было мало и патроны кончились быстро. Пули, очевидно, проходили через крыши, даже не смещая с места тяжелые диски. Значит, строили баррикады не для защиты от пуль.

На земле было разбросано множество грязных мешков с песком. Герда старательно их обходила. Из одного мешка торчало самодельное копьё, в котором я узнал лыжную палку с примотанным к ней кухонным ножом. Почему-то в том месте, где копьё пронзило мешок, блестело красное повидло. Подойдя ближе, я понял, что мешком с песком был мертвый человек. Покойник лежал лицом в землю. Его серая ладонь была обгрызена до кости. Над локтем нарисован черным маркером треугольник.

Меня замутило. Я отошел от баррикады и, направив сноп света себе под ноги, стал осторожно пробираться по самому центру проспекта. Голова, как я ни запрещал ей строить какие-либо теории, рисовала разные версии нападения, и каждая – еще более голливудская, чем предыдущая. Зомби, скифы, андрофаги. Беззащитные жители двух столпов гуманизма вместе борются с осадой нелюди, которая прет из-за кольцевой. Баррикадируют входы, выставляют охрану, гибнут от ран.

В луч под ногами всплыл песочный куль. Вот то, что когда-то было головой. Часть черепа и глаз заменены большим камнем. Запущенным не иначе из самодельной пращи. Ведь что еще могло так расколоть кости? Над локтем руки, которую покойник успел поднять к лицу перед тем, как умереть, красовался старательно выведенный маркером параллелепипед.

Я повернул голову направо: над баррикадой перед входом

в пирамидальный дом висел хорошо заметный флаг с треугольником. Над подъездом громадины слева фонарь высветил приделанную пластиковую табличку со старательно выведенным параллелепипедом. Вот такие зомби. Война красной и белой розы. Ланкастеры против Йорков. За что они боролись? Отбивали друг у друга остатки еды, вместо того чтобы объединиться и отправиться на ее поиски вместе? Я ускорил шаг.

Невдалеке от перессорившихся Лисицкого и Малеви-ча открылось небольшое поле, посреди него приземлился огромный гипермаркет. Я свернул к моллу, надеясь найти нам припасов. Ведь рано или поздно даже после увиденного мне захочется есть. Но из ангара было вынесено абсолютно все. Кто-то пробовал разодрать даже сделанные из фольги трубы вентиляции, шедшие под самым потолком. Вытянули не только кассовые аппараты (хотя кому и зачем они могли понадобиться?), но и алюминиевые прилавки, на которых раньше размещался товар. Чувствовалось, что долгое время гипер был Меккой для мародеров всех сортов, отсюда тащили сначала самое ценное, потом полезное, а когда ценное и полезное кончилось, перли то, что можно было легко уволочь. На память, что был на этом месте. И это закончилось тотальным опустошением, как в церкви после нашествия Золотой Орды. Разве что под ногами блестели вмерзшие в ледок купюры. Почему никто из грабителей их не забрал, было понятно: какой смысл в бумажках, если они не горят?

По сторонам проспекта потянулись ангары, автоцентры, стоянки и харчевни, жилая застройка отступила назад. По всему было видно, что приближается большая транспортная развязка. Вскоре проступили очертания высокой эстакады, под которой налево и направо текла черная река автострады. У подножия моста мне почудилось цветное мелькание: что-то сияло у самой земли цветом молодого клевера. Герда была спокойна – значит, никакой опасности для нас этот предмет не представлял. Ускорив шаг настолько, насколько позволял надетый на плечи шкаф, я увидел старательно очищенный от снега и льда пригорок, а на нем – продолговатый металлический предмет, прижимавший к земле какой-то белый клочок. Стена была освещена ХИС – люминофором, который я видел у велосипедистов.

Металлический цилиндр оказался небольшим термосом, под которым лежала бумажка с написанной карандашом запиской. Я сбросил с себя тяжесть, достал из рюкзака коврик и консервы для Герды.

– Привал, – скомандовал я устало, разложил коврик на замерзшей траве и упал на него.

Герда с голодным рыком уделила внимание своему пайку. Я взял термос, предполагая, что там может оказаться какой-нибудь, извините, фалафель. Открутив крышку, обнаружил внутри горячий, настоящий, но почти несладкий чай. Это было настолько кстати сейчас, после продолжительного пешего пути, усталости, холода, что я чуть вслух не сказал

«спасибо!». Сделав несколько глотков, я понял, что склон от снега и льда почистили тоже мои невидимые друзья, пусть педаль для них всегда будет легкой. Хлебнув еще несколько раз, сдвинув заячью шапку на затылок, я лег на землю, полежал немного, отдыхая. Потом развернул записку, прочитал. Она меня тронула.

«Не печалься, человек с собакой. Ты не один на этой дороге».

Как бывает после привала, идти стало не легче, а тяжелее. Отдохнувшие мышцы с неохотой принялись за опостылевшую работу. Герда пробовала развеселить меня, играя с пятнышком света от моего налобника, заглядывая в глаза и усмехаясь своей озорной черной мордочкой.

Мы забрали ее щенком из приемника на Гурского, этого уютного адка для домашних животных. Отловленных на улицах котиков и собачек в этом гестапо держали в среднем три дня. Тем, кто вел себя «агрессивно», яд вкалывали и того быстрее. Их разбирали на полезные для промышленности (клей, мыло, желатин) запчасти, а остальное отправляли на комбинат, сжигающий мусор. Я рад был бы рассказать историю про мамку, которая погибла под колесами грузовика, и про три пушистых комочка, которые пищали у ее тела, пока их не подобрала заботливые руки отловщиков и не поместили на передержку в ветстанции.

Но все было не так.

Наш пушистый комочек был «отказницей». От ее мамки

и двух братиков хозяева отказались в сентябре, когда закончился дачный сезон. Привезли сами, заранее сняли ошейник и сказали, что это чужая дворняга. Но работников адка трудно обмануть, они насмотрелись на собачьи смерти: какая же «чужая», когда слушалась хозяев и все никак не могла поверить, что ее с детками сунут в клетку, только что продезинфицированную после предыдущего собачьего горя.

Не знаю, кто идет на такие должности, но «ведущий специалист», который нам все это рассказал, показался добрым человеком, когда-то любившим животных так же, как и все люди. Просто необходимость каждый день принимать решения, кому жить, а кому нет, сделала его чувства к котикам и собачкам весьма специфическими. Он рассказал нам, что мамку Герды пришлось «усыпить» на пятый день, потому что она вела себя «агрессивно». Не смогла простить предательства хозяев. Братьев Герды забрал на передержку какой-то милиционер, понадеявшись вырастить из них суровых служебных почти-овчарок, а нашу девочку никто не брал. Она спала, когда мы везли ее в такси.

Свернулась у меня в руках и сопела, черная и горячая. Потом, правда, больше полюбила хозяйку. Пока та от нас с Гердой не отказалась. В последнем, правда, виноват я, а не она.

За кольцевой, насколько хватало глаз, громоздились одинаковые коробки дешевого типового жилья. Своей невыразительностью эти районы раньше напоминали мне окруже-

ние аэропорта имени Ататюрка в Стамбуле. И где хозяева всех этих жилищ? В какой-нибудь женской коммуналке в Зеленом Луге? Ни одного горящего окошка. Ни движения, ни дымка.

Без солнца и звезд на небе понять, насколько продолжительным был твой переход, можно только с помощью часов. Часов у меня не имелось, осталось довериться субъективным ощущениям. По карте от кольцевой до поворота на Гомель было два раза по столько же, сколько от Грушевки до кольца. По ощущениям я уже проковылял именно такой отрезок. Чувство времени теперь состояло из степени окоченения ног, из количества мыслей, которые я успел передумать от поворота, и боли в позвоночнике от веса на спине. Ноги замерзли сильно, надо будет после ночлега натянуть еще одни носки. Позвоночник ныл ровно, по всей длине, каждый шаг сопровождался болью. Что касается мыслей, то их почти не стало. Тело слишком устало, чтобы витать в облаках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.